

Дорога домой

16+

Николай Липницкий

Николай Липницкий

Дорога домой

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Липницкий Н. И.

Дорога домой / Н. И. Липницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Представьте, как во время обычной командировки в купе поезда вы узнаете о том, что случилась третья мировая война, продлившаяся всего шесть часов, унёсшая в небытие половину человечества, стёршая большую часть государств. И всё. Вы стоите на станции, поезда не ходят, самолёты не летают, а власть, ещё вчера казавшаяся незыблемой, рухнула. Анархия и хаос - всё, что осталось от прежнего мира. А вам надо домой.

© Липницкий Н. И., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Предыстория

Эскадрильи истребителей-бомбардировщиков F-15E StrikeEagle, взлетев с баз ВВС США Шпангдалем в Германии и Авиано в Италии, взяли курс на Россию. В чётком, как на учении, строю, мощные грозные машины неумолимо отсчитывали километр за километром, скрываясь от случайных взглядов с земли плотным слоем облаков. Но спокойный полёт не усыплял бдительности пилотов, знающих, что скоро взвоят системы оповещения, предупреждая о том, что эскадрилья вошла в зону действия русских радаров систем ПВО. И распадётся строй, и каждый будет сам за себя, уворачиваясь от зенитных ракет в бешеной круговерти фигур высшего пилотажа и играя с судьбой в орлянку. Майор ВВС США Ричард Маккинли уверенно вёл свой Игл, совсем не рефлексируя о том, что сейчас у него под крылом висят не учебные боеприпасы, а боевая новейшая крылатая ракета JASSM. Уже на подлёте к границе, лётчик увидел вдали разрывы и грибообразные облака, встающие над землёй. Тактические ракеты с ядерными боеголовками своё дело сделали. Теперь их очередь. Высоко в небе перечёркивали черноту ночи межконтинентальные баллистические ракеты, устремляясь куда-то далеко в глубины территории. Ну, теперь русским точно не до них, успел подумать Ричард, когда взвыла система оповещения, и мир вокруг осветился ослепительной последней вспышкой.

Тяжело израненная Россия сумела найти в себе силы и нанести ответный удар. К бою подключились другие государства ядерного клуба, и на земле разразилась бойня, равной которой ещё не было. В ход шло всё. Открывались закрома и арсеналы, являя на свет божий такое оружие, о котором раньше в приличном обществе и упоминать было стыдно. И всё это ядерное, химическое, бактериологическое изобилие посыпалось на голову несчастному человечеству. Третья мировая война, которой столько лет ждали и боялись, длилась всего шесть часов, оставив после себя такие жертвы и разрушения, рядом с которыми потери первой и второй показались бы детским садом. Она не оставила без своего внимания ни один уголок мира, и на всей земле воцарилось безвластие и анархия. Человечество погрузилось в пучину хаоса.

*Над страшною бездной дорога бежит,
Меж жизнью и смертью мчится;
Толпа великанов ее сторожит;
Погибель над нею гнездится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
В молчаньи пройди по дороге опасной.*

В.А. Жуковский

Поезд задумчиво отстукивал километры по стыкам рельс. Как я не хотел ехать в эту командировку, а заставили. Вот сейчас дома пил бы кофе и смотрел по телевизору какой-нибудь сериал. С годами я всё больше и больше не любил покидать свою уютную квартиру, а командировки вообще выбивали меня из колеи. Я правдами и неправдами старался увильнуть от очередной поездки, перебросив её на плечи более молодых коллег, с радостью и энтузиазмом хватающихся за возможность поколесить по стране за счёт фирмы. Докурил последнюю на сегодня сигарету и вернулся из тамбура в купе. Попутчики уже спали. Я, пользуясь светом, падающим из коридора через приоткрытую дверь, тоже лёг на полку и заснул. Проснулся от того, что поезд стоял. В купе пробивались лучи раннего апрельского солнца, ещё не до конца разогнавшие темноту ночи. За окном простирались поля и ни одного намёка на станцию или полустанок. Вдали виднелся какой-то посёлок, к которому тянулась наезженная грунтовая дорога. Странно. И что же мы здесь встали? По вагону заходили пассажиры, так же, как и я, удивлённые незапланированной остановкой.

– Может, пропускаем кого-то? – пробасил кто-то невидимый прямо за дверью.

– Я давно не сплю, – отвечал ему второй, слегка шепелявя. – За это время можно было штук двадцать поездов пропустить.

– Да точно я вам говорю, авария впереди, – вмешался женский голос. – Я так уже попадала. На путях товарняк с рельсов сошёл. Полдня стояли, пока пути расчистили.

Соседи по купе тоже стали просыпаться и недоумённо выглядывать в окно. Я прихватил с собой полотенце, умывальные принадлежности и пошёл в конец вагона приводить себя в порядок. Отстояв небольшую очередь, наконец, был удостоен тоненькой хилой струи из-под крана в загаженном туалете. Кое-как умывшись и поскоблив щёки одноразовым станком, я вышел в коридор, где страсти уже начали накаляться. Особо активные пассажиры наседали на прожжённую и битую в боях с населением, утомлённую ненавязчивым родным железнодорожным сервисом, проводницу. И, кстати, неизвестно, за кем останется поле боя. Проводница умело отбредивалась, к месту повышая голос или вставляя ядовитые реплики.

– Что случилось? – поинтересовался я у парня в мрачной майке с логотипом ACDC, тоже с любопытством наблюдающего развернувшуюся баталию.

– Электричество кончилось, – ответил он. – Электровоз дальше не едет. А что и почему, непонятно.

Битва, наконец, закончилась с ничейным счётом, пассажиры недовольно расходились по своим купе, неся в руках кружки и термоса с кипятком, а проводница усккала в штабной вагон к бригадиру за порцией новых новостей. Я тоже набрал кипяточку и уселся пить растворимый кофе с бутербродом из хлеба и ветчины. И чего нервничать? Всё равно когда-нибудь тронемся. Не будем же вечно торчать посреди степи. С соседями на удивление повезло. Маленьких детей в купе не было, да и вообще на весь вагон всего один ребёнок и того особо не слышно. Попутчики, как на подбор молчаливые, никто с расспросами не лезет и душу перед тобой не выворачивает. Обычное благожелательное сосуществование на одной площади купе. С возрастом начинаешь ценить тишину и одиночество, даже если это одиночество в толпе. А я вообще привык жить один: всё больше и больше отдалялся от людей, окружающих меня, будь то соседи по лестничной площадке или коллеги на работе. Раковина квартиры полностью устраивала меня. Как бы, наверное, удивились сослуживцы по многочисленным гарнизонам нашей большой страны, увидев нелюдимого и необщительного мужчину, каким я стал из компанейского парня, души компании на лихих офицерских посиделках. Да уж. Жизнь идёт своим чередом. Когда-то, расставшись с женой, успешно выдержавшей все перипетии гарнизонной жизни, но сломавшейся на гражданке, я вернулся в родной город и стал вливаться в новую для себя, гражданскую жизнь. Семью создавать больше не хотелось. Приобрёл себе квартиру и перебивался случайными связями, необязательными и разной продолжительности. Меня всё устраивало и я, поначалу с удовольствием ходивший в гости к друзьям и знакомым, стал постепенно тяготиться всеми этими шумными компаниями, отдаляться от всех, сворачиваться в кокон и закрываться в своём мирке. Вполне возможно, я бы мог стать таким тихим алкоголиком, в одиночку выпивающим свою ежедневную бутылку водки и забывающимся в алкогольном сне, если бы не многочисленные примеры моих сослуживцев, с кем довелось немного повоевать на охваченном огнём войны Кавказе. Ну нет. До такого состояния скатываться мне не хотелось.

Допив кофе, я поднялся и вышел в коридор, чтобы сполоснуть свою кружку, когда дверь из тамбура открылась и в вагон зашла проводница. Бледное её лицо и выпученные, густо подведённые глаза напугали. Не дай бог сердце у тётки прихватило, подумалось мне. И что же делать?

– Вам плохо? – проявил я гражданскую сознательность, шагнув к ней.

– Нет, – просипела она внезапно севшим голосом.

– Но на вас же лица нет.

Из дверей купе стали выглядывать люди и, спустя всего минуту, в коридоре образовалась толпа, напиральная вперёд и буквально прижимая меня к проводнице. На меня пахло алкогольным перегаром и ещё чем-то чесночным. Ясно был виден листик петрушки, застрявший в зубах.

– Война, – коротко выдохнула тётка. Лицо её некрасиво сморщилось, и из левого глаза по щеке поползла крупная слезинка.

По вагону будто прошёл ледяной сквозняк. Сразу стало тихо, и только где-то неподалёку кто-то судорожно всхлипнул.

– А вы не того? – щёлкнул я пальцами по шее. – Спьяну-то ещё не то привидится.

– Это мне сейчас бригадир налил, чтобы я в себя пришла от такой новости, – оскорбилась проводница. – По радиции ни одна станция не отвечает. А по радио передают, что все крупные центры уничтожены. Нанесены ракетно-бомбовые удары по всем стратегическим объектам.

– И что же делать? – заволновалась толпа. – Домой надо. Как же ехать-то?

– Сейчас бригада пытается завести дизель. Выехали-то с неисправным. Понадеялись, что пути электрифицированы. Что-то там у них не получается, но они обещают, что скоро заведут. Хоть до станции доедем. А там власть, какая-никакая.

Ждали долго. Я уже доедал обеденную порцию «Доширака», когда поезд дёрнулся и, натужно скрипя всем своим длинным телом, тронулся с места. Завели, значит, двигатель. Ну, хоть какая-то определённости. А то во всём вагоне воцарилось уныние и какая-то нервозность. Кто-то в купе возле туалета тихо истерил, в коридоре какой-то нервный гражданин пытался куда-то дозвониться по телефону. Я глянул на экран сотки. Сигала не было, что, в принципе, неудивительно. Спустя три часа, поезд, одышливо пыхтя всё-таки дотащил нас до небольшой станции Озерки, коих так много на просторах нашей Родины. На перроне было суматошно. Люди метались вдоль путей, чуть ли не бросаясь под колёса вагонов. Похоже, народу всё равно куда ехать и крики проводников о том, что поезд уже никуда не пойдёт, пропускались мимо ушей.

Я, подхватил сумку и, с трудом пробившись через толпу, вышел на перрон. Ну и что теперь делать? Командировка накрылась. Это к бабке не ходи. До дома далеко и, по нынешним временам, как пешком до Америки. Поезда не ходят, или ещё ходят? Самолёты, неизвестно, летают ли. Да и до них добраться ещё надо. Ближайший аэродром черт-те где. Проблема. Я зашёл в привокзальный ресторан и заказал пятьдесят грамм коньяка и лимон. Мысли следовало привести в порядок. По идее необходимо сходить в военкомат, как положено любому военнообязанному в подобных случаях. Но у меня, ни военного билета, ни мобилизационного предписания с собой нет. Кто же в добром здравии такие документы в командировку таскает? Но, может, у них есть какая-то общая база, где найдутся данные обо мне. Значит нужно решить вопрос с постоем и всё-таки выполнить свой гражданский долг и сообщить властям, что есть, мол, здесь один майор запаса. От вокзала решил далеко не удаляться и снял номер в привокзальной гостинице. Ну, как, номер? Так, комната на шесть человек, древние панцирные кровати, полуразвалившиеся тумбочки, облезлые стены и потолок в жёлтых разводах. Креативненько. Нет, можно было, конечно снять номер в более презентабельной гостинице в центре города. И деньги позволяли. Но я решил от вокзала далеко не удаляться. Чем чёрт не шутит. Может и пойдёт какой нибудь поезд в мою сторону. Сдал вещи в камеру хранения и, узнав у дежурной, где находится военкомат, пошёл сдаваться.

Военкомат отнюдь не напоминал виденные в кино и хрониках военкоматы из сорок первого года. Не в плане архитектуры, конечно. Тут как раз всё сходилось. Здание было старым и, наверное, даже когда был последний ремонт, не помнило. Я не увидел здесь очереди желающих идти на фронт, или толп мобилизуемых. Стояли патриархальная тишина и покой. Сонный дежурный долго не мог понять, чего же я от него хочу, потом связался с кем-то по телефону,

и ко мне вышел рыхлый майор с жирными губами и хлебными крошками на кителе в районе обширного живота. Он долго потел, всем своим видом показывая, как он недоволен таким, не в меру обязательным посетителем и, наконец, разродился:

– Слушай, мы здесь сами ничего не знаем, кроме того, что сообщили по радио. Связи с областным центром нет, а дальше и подавно. Приказа на мобилизацию не поступало. Давай я запишу твои данные, а ты иди, своими делами занимайся.

Вообще ничего не понятно. Но, подождём. Ждать пришлось два дня. Поезда не ходили, военкомату я тоже не понадобился. В вечерних пьяных посиделках в номере мужики делились последними новостями сарафанного радио и своими предположениями. По всему выходило, что власти уже нет, все коммуникации перерезаны, да и, похоже, и стран-то никаких не осталось. Так, анклав, на которые ракеты пожалели. Типа этих Озерков, где и взять нечего, и гадости никакой отсюда ожидать не надо. Теперь надо решать дальше. Что делать и куда двигаться? Почти по классике.

Вообще, по логике вещей, не стоит, как говорят китайцы, дёргать тигра за усы. От добра добра не ищут. Стоило бы, может, попытаться осесть здесь. Тем более, что и дома никто не ждёт. Всё, вроде, правильно и логично. Однако, в душе у меня вдруг зародилось и стало расти некое иррациональное чувство. Домой! Домой и только домой. Внезапно защемило в груди, перед глазами встала уютная квартира, пейзаж за окном кухни с хрущёвкой, бликующей на солнце новенькой крышей из профнастила, запах кофе из медной джезвы. Даже пепельница, вечно полная окурков, показалась безумно родной. И потянуло так, будто там, в родном городе, ждёт меня кто-то очень дорогой. Решено. Только теперь нужно выбираться на выезд из города. А там, или попутки, или пешком. Хотя, от дома отъехать я успел достаточно далеко и теперь добираться до дома придётся через пол страны. Но, как говорится, дорогу осилит идущий. Ну, если повезёт, едущий. Вот только что ждёт меня в пути. Не дай бог попасть на территорию, заражённую отравляющими веществами. Или вирус какой боевой подхватить. Кто знает, чем тут по нам пуляли?

– Что завис, Витёк? – поинтересовался у меня Саша, рыхлый, постоянно потеющий мужик среднего неопределённого возраста, кажется, экспедитор какой-то фирмы с севера.

– Да вот, думаю, чего мы тут высиживаем?

– А что ещё делать?

– Домой идти.

– И как ты себе это представляешь? Поездов уже два дня нет.

– Пешком, на попутках. Как-то так.

– Ого! Ну уж нет. Я ещё не свихнулся. Такое расстояние преодолевать пешком. Да ещё в такое непонятное время! Лучше уж тут сидеть. Авось что и подтвердится.

– Это вечное наше авось! Нет. Я всё-таки завтра пойду.

У выхода из вокзала, свесив ноги наружу, в полицейском УАЗе сидел капитан, судя по возрасту, переживающий в этом звании уже третий срок. Щурясь на проходящую толпу, он курил, изредка сплёвывая на асфальт тротуара. Я подошёл к машине и, прикурив сигарету, вопросительно глянул на полицейского:

– Как тут вообще? – поинтересовался я.

– Да как? Власти нет, полиции тоже.

– А ты как же?

– Смену достоя и тоже домой. Всё. Отслужил своё.

– А что раньше не бросил службу? Раз власти нет, можно уже давно по домам.

– Так я патруль и отпустил. А сам не привык на полдороге дела бросать.

– Понятно. И что же вместо власти?

– Ничего. Вон, делят, – он кивнул в сторону города.

Только сейчас я заметил дымы, поднимающиеся над городом. Откуда-то издалека ветер доносил звуки перестрелки.

– Сурово.

– А ты думал!

– А как бы мне на выезд из города попасть?

– Да вот через частный сектор по краю. Тут недалеко. И, тоже поосторожнее. Сейчас всякая сволочь повывлезает. Анархия, мать её, порядка.

– Спасибо.

Я забросил сумку на плечо и зашагал к частной застройке, виднеющейся невдалеке. До застройки добрался быстро, углубился в переплетения улочек и переулков, петляющих, как бог на душу положит. Частный сектор всё не кончался, вечерело, и уже начало разбирать беспокойство. Заглядывая через заборы и стучась в ворота, я не сразу заметил компанию из четырёх крепких молодых людей, целенаправленно двинувшихся в мою сторону.

– Это что ты тут вынюхиваешь? – обратился ко мне один из них.

– Да ничего, ребята. Просто ищу, как бы мне из города выйти.

Внезапный удар в солнечное сплетение согнул меня пополам, а следующий, ногой в грудь, отбросил к забору. Затылок с глухим стуком соприкоснулся с крепкими досками, в голове загудело, мир вокруг померк и стал выглядеть, как через мутное стекло. Три силуэта склонились над моей сумкой, а четвёртый метнулся ко мне, и я ощутил на своей шее холод острого металла.

– Жить хочешь, не дёргайся. – прошипели над ухом.

Я и не дёргался. Откуда-то пришла апатия, и я безучастно наблюдал, как вытряхивали мои карманы и потрошили сумку. Наверное, я, всё-таки, на какое-то время выпал из действительности, потому что в определённый момент заметил, что сижу совершенно один, рядом валялись сумка и вещи, вываленные из неё прямо в придорожную пыль. На коленях лежал бумажник, брошенный туда грабителями. Чувствуя, как воротник набухает от крови, сочащейся из разбитого затылка, я собрал вещи обратно в сумку, автоматически проводя ревизию. Вещей практически не взяли. Да и не брал я никогда в командировку ничего ценного. Пропали только часы, нож, сотовый телефон. Зажигалку тоже забрали. И кому она понадобилась, дешёвая, пластиковая, одноразовая. Но в сумке всегда было пару коробков спичек, вместе с туалетной бумагой, завернутые в целлофановый пакет. Вот нож было жалко. Хороший, походный, с ложкой, вилкой и прочими прибабасами, которые облегчают жизнь в дороге. Да ладно. Живой остался, самое главное. Из бумажника забрали только деньги. Кредитные карточки не тронули, что радовало. Оставалось надеяться на то, что в городке ещё не начали курочить банкоматы и деньги удастся снять. Состояние было не очень, мягко говоря. В глазах периодически двоилось, голова шла кругом. Меня вырвало и сразу стало легче. Но не намного. Отлежаться бы.

Уже в сумерках я вышел к реке, возле которой стоял заброшенный покосившийся дом. Пробравшись через запущенный и заросший сорняком участок, я зашёл внутрь. Да-а. Не отель Хилтон. Вонь, мусор и запустение просто кричали из каждого угла. Приметив лестницу наверх, поднялся на чердак. А вот здесь хоть не воняет. Переночевать можно. В углу нашёлся прелый матрас. Уже что-то. При последних лучах света отобрал в сумке футболку почище, полотенце, мыло и поплёлся к реке, хоть немного привести себя в порядок. Помывшись, стал собирать хворост для костра. В найденной консервной банке вскипятил воду, залил кипятком «Доширак», которым побрезговали на моё счастье грабители, и без аппетита, борясь с головокружением и тошнотой, поужинал. Потом улёгся на матрас и, стараясь не замечать неприятного запаха, исходящего от него, отключился.

Ночью спалось плохо. Было холодно, на участке кто-то шастал, а в голову всё лезли и лезли различные мрачные мысли. Завтракать было нечем, а оставшуюся пачку «Доширака» решил сохранить до обеда. Осталось, памятуя вчерашние события, озаботиться хоть каким-то оружием. В куче хлама внизу нашёлся кусок водопроводной трубы и ржавый кухонный нож без деревянных накладок на рукоятке. Я подточил эту железяку о доньшко валявшейся тут же разбитой тарелки, проверил большим пальцем заточку и скептически хмыкнул. Ну, не до жиру. Хоть за ночь пришёл в себя, и голова почти не кружилась.

Первый же банкомат порадовал, и я снял всю наличность. Небольшую часть положил в бумажник, а остальное разложил в ботинки под стельки. Теперь бы чтонибудь из еды поискать. Магазины оказались закрыты и открываться не собирались. Значит, надо искать рынок. Базарные торговцы люди отчаянные, их просто так не напугаешь. Правда, видок у меня ещё тот, особенно сзади: разбитый затылок и пропитанная на спине кровью джинсовая куртка. Но вид денег успокаивал, и еды прикупить удалось, хоть и цены взлетели до заоблачных высот. Заодно прикупил алюминиевую эмалированную кружку и армейский котелок. Тут же набрал в пластиковую бутылку воды. В вещевых рядах приметил хорошие армейские ботинки с высокими берцами и, матеря кусающиеся цены, достал из-под стелек затаренные деньги. При таких делах долго ли деньги сохраняют свою платежеспособность. А мне в дороге не светит остаться босиком, если мои гражданские лёгкие демисезонные ботинки развалятся. Переобулся тут-же. На выходе из рынка меня остановили несколько парней бандитского вида. Ну вот. Опять вчерашняя история. Я, держа на отлёте в левой руке трубу, выставил перед собой правую с ножом:

– Не подходите! Убью!

– Эй, мужик! Успокойся! – заржали бандиты. – Порежешься ненароком. И руки опусти, пока мы их тебе не переломали.

– Попробуйте. Ничего вам не отдам.

– Никто у тебя ничего не собирается забирать. Мы ещё бомжей не обирали. Приказ удельного князя Владимира Петровича собирать вот такие отбросы, как ты и вывозить за пределы города. Вон, видишь, полный автобус набрали. Ему в княжестве такие не нужны.

Ну да. Я представил себя со стороны и в чём-то с ними согласился. Небритый, грязный после ночёвки на заброшенном чердаке. Бомж и всё тут. Пришлось лезть в автобус. В нос сразу ударило вонюю немытого человеческого тела, протухшей пищи и прелых носков. Бродяги всех мастей хмуро уставились на меня. Я плюхнулся на свободное место возле беззубого старика, посасывающего баранку.

– Слушай, что вообще происходит?

– Власть поменялась. Бывший начальник местной полиции стал князем и хозяином города. Вчера слышал, воевали? Это он с местным криминальным авторитетом город делил. Как видишь, победил. Вот и переделывает город под себя. Себя князем удельным объявил. Создал себе армию. Решил от нас избавиться, чтобы, значит, его княжеские глаза не смущать нашим видом.

Автобус довёз до больших бетонных букв, складывающихся в надпись «Озерки».

– Значит так, бомжары, – сказал старший. – Ещё раз в городе увижу, ноги переломаю и сюда опять привезу. И ползите, куда хотите. До всех дошло? Тогда валите отсюда.

Автобус, обдав всех облаком выхлопных газов, унёсся в город, а толпа бомжей осталась потерянно топтаться на дороге. В принципе, всё не так уж и плохо. По крайней мере, выбраться из города помогли невольно. Это бомжам идти некуда, а у меня цель. Поэтому, оставив вонючую толпу, двинул по бетонке в сторону дома.

Правда, идти, это мягко сказано. Опять накатило. Видимо, вчера я нехилое сотрясение мозга заработал. И зачем нужно было так бить? Голова болела и кружилась. Меня шатало из стороны в сторону и, будь на этой трассе нормальное движение, меня бы уже давно бы сбили.

Постоянно приходилось приседать на обочине, переживая особо сильные приступы. Один раз, по-моему, даже отключился на короткое время. Давно мне так плохо не было.

Пообедал на обочине, наскоро сварив на костре в котелке вермишель и, опрокинув в неё рыбные консервы. За всё время по трассе проскочило только пара машин, даже не притормаживая в ответ на мою вытянутую руку. К вечеру вышел к небольшому придорожному посёлку. Буквально во втором доме меня согласились пустить на постой. Одинокая сердобольная хозяйка, охая, промыла мою рану на затылке, потом удалилась куда-то и вернулась с курткой из кожаменителя:

– Вот, возьмите это. А то ходите с пятном крови на спине. А пока вашу куртку замочу в холодной воде, может кровь отстирается. Я там вам баньку подготовила, сходите, помойтесь. Бельё чистое есть?

– Есть, спасибо. И джинсы чистые найдутся.

Я от души попарился в баньке и, переодевшись в чистое, зашёл в дом. На столе, источая одуряющий аромат, стояла в сковородке яичница с салом. Куски крупно нарезанного домашнего хлеба горкой возвышались рядом. Тут же зелёные стрелы лука и помидоры с огурцами, и солонка с крупной солью. Помешкав немного, хозяйка выставила на стол бутылку водки. Поужинали, разговаривая на отвлечённые темы, потом я уселся возле радиоприёмника, усиленно вращая ручки настройки. Ловило только местное радио и в эфире ничего порядочного, кроме славословия в честь нового князя. Телевидение вообще приказало долго жить. Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись спать. А ночью она пришла ко мне в постель. В той деревне я задержался на неделю, пока не прошло головокружение и тошнота, и поджила рана на затылке. Однако всё хорошее когда-нибудь заканчивается и, почувствовав, что уже окреп, я засобиравшись в дорогу. Хозяйка выдала мне взамен моей сумки более удобный рюкзак, в который я переложил свои вещи и снедь, собранную ею мне в дорогу. В сарае я нашёл старый, но хороший самодельный нож, который, наверное, не один год проторчал кем-то воткнувший в вертикальный столб. Пришлось, конечно, потрудиться, отчищая его от ржавчины и затачивая на оселке. Но труд того стоил. Удобная рукоятка, хорошая сталь, идеальная балансировка и небольшой упор для большого пальца. Этакая финка, которыми в Великую Отечественную войну наши разведчики немало часовых сняли.

Утром меня разбудил луч света, нахально упавший на моё лицо через окно, не задёрнутое занавеской. Со двора доносились звуки сельской жизни. Хозяйка, собрав немудрёный завтрак на стол, уселась напротив, глядя, как я насыщал свой, утомлённый за ночь, организм.

– Всё-таки пойдёшь? – с тоской взглянула на меня она.

– Пойду.

– Кто тебя там ждёт?

– Никто.

– Так что ты там забыл? Времена смутные. Сейчас нужно к земле поближе держаться. Земля, она всегда прокормит.

– Нет. Пойду я.

– Ну что ты упёрся! Какая тебе разница, где жить? Оставайся здесь.

– Извини. Но. Я. Иду. Домой. И это не обсуждается.

Опять под моими ногами дорога. Мимо проплывают деревья лесопосадки, редкие машины проносятся мимо, а я всё иду, километр за километром приближаясь к дому. День клонился к вечеру, населённых пунктов по дороге больше не встречалось, и я уже начал разбивать бивак у дороги. Начало темнеть и вдали загорелись огни. Надо же! Совсем немного не дошёл. Желание переночевать не под открытым небом, а под крышей, пересилило и я, свернув бивак, бодрым шагом направился к гостеприимным огням. Насчёт постоя договорился быстро и, наскоро поев, улёгся спать в отведённой мне комнате.

Пробуждение было ужасным. Кто-то бесцеремонно ткнул чем-то твёрдым под рёбра. Я соскочил, зажмурившись от яркого света.

– А ну вставай! – услышал я над собой и, наконец, разлепил глаза. Рядом стояли несколько небритых субъектов, вооружённых охотничьими ружьями.

– Собирайся. Пошли.

– Куда? – недоумённо спросил я.

– Там узнаешь.

Особо со мной не церемонясь, меня затолкали в видавшие виды «Жигули» и повезли куда-то в ночь. Ехали где-то полчаса. Впереди показались огни прожектора, освещающие колючую проволоку и деревянные ворота. Заехав на территорию, меня выволокли из машины и, на пинках, погнали в строительный вагончик, стоящий рядом. Огромный бородатый мужик сидел за дощатым столом, попивая чай из стакана в железнодорожном подстаканнике:

– Этот? – поинтересовался он, разглядывая меня, как какое-то экзотическое насекомое.

– Этот, – подтвердили мои конвоиры.

– Слушай сюда, – обратился он на меня свой тяжёлый взгляд. – Скажу прямо. Ты попал. И попал конкретно. Сейчас ты никто, и звать тебя никак. Поступаешь в распоряжение колхоза имени Ленина.

Отовсюду раздался глумливый смех. Что делать? Я не стал влезать в спор и что-то доказывать, не без оснований беспокоясь за своё здоровье. Слишком решительно были настроены все вокруг. Ладно. Разберёмся потом.

– На переключке будешь, Нежданчик. Мы и не ожидали, что нам сегодня ещё работник перепадёт.

Меня отвели в барак, пропитанный запахами немытого человеческого тела, и определили место на нарах. Я кинул под голову свой рюкзак и улёгся. А ребята неопытные. Даже не обыскали, на моё счастье. Ну, ничего, научатся ещё. Осторожно, опасаясь взглядов случайно проснувшихся, я вытащил нож из внутреннего кармана куртки и засунул под соломенный матрас. Может и пригодится. Всё равно я здесь надолго не собираюсь задерживаться.

Утро началось с криков. В открытые ворота барака влетел надзиратель с палкой наперевес. Обитатели зашевелились, стали быстро спрыгивать с нар и строиться. То, что действительно нужно торопиться, я ощутил буквально, на своих рёбрах. Последовала переключка, после которой в барак на тележке вкатили бочку с чем-то, отвратительно пахнущим. Мы выстроились в очередь, и каждый получил по миске баланды и куску чёрствого хлеба. Ложек не полагалось, видимо, по определению. Зачем скоту ложка? А для этих мордovorотов мы и были самым натуральным скотом, судя по обращению. Рядом со мной прихлёбывал из своей миски крепкий мужик примерно моего возраста. В прорехе рукава его брезентовой куртки мелькала наковка в виде парашюта.

– Браток, ты часом не десант? – с надеждой спросил я.

– Десант. Болградский ДШБ.

– Да ты что?! Я – Рязань. Полк ВДВ.

– Меня Димка зовут.

– Очень приятно. Я – Виктор.

– Давай, Витёк, вместе держаться.

– То же самое тебе предложить хотел. Расскажи, что здесь творится.

– Да что рассказывать-то? Видишь, какие ушлые колхозники нынче? Не успела власть рассыпаться, они уже тут как тут. Концлагерь организовали. Смотри, какую территорию огородили. Кроме нашего, ещё пять барakov. Женщины отдельно содержатся. Работаем на полях в основном. Ну, там ещё заготовка леса. Километрах в десяти отсюда Делянку разрабатывают. Пилорама там. Скотный двор. Женщины: прачки, небольшой хлебокомбинат, сыроварня, ну

и прислуга. Они же теперь все хозяевами стали. Лишний раз ручки запачкать боятся. Как в пословице, знаешь, из грязи в князи?

– Знаю.

– Ну и лютуют, конечно. До смертоубийства, конечно, пока не дошло, но, чувствую, недолго осталось.

– Ладно. Будем думать, как из этой передрыги вылезать. А ты как сюда попал?

– Ехали на междугороднем автобусе. Нас остановили, высадили и погнали сюда. Всё просто.

– А сам откуда?

– Из Ухтомска. Там у нас завод патронный был. Вот по нему и отработали боеприпасами с какой-то гадостью. Биологическое что-то. Та часть города, которая к заводу примыкала, сразу вымерла. А потом эта гадость стала дальше распространяться. Ну, мы и рванули на автобусах, куда глаза глядят. Вот и приехали. А ты?

– Я из Шутова. В командировку ехал, да вот на полпути и встал. Хотел домой добраться и тоже попал.

Долго наслаждаться завтраком не дали. Выгнали в поле на прополку сорняков. Работа несложная, если кто привычный. А у меня через двадцать минут спина отваливаться стала. Да. Тяжёл труд крестьянский. Да ещё надзиратели лютуют. Чуть что, палкой поперёк спины. Приятного мало. Не знал, как до вечера дожить. Обед, кстати, не подразумевалось. Вечером в казарме накормили опять той же бурдой. Перекинулись с Димкой парой слов и, только голова коснулась рюкзака, отрубился.

Две недели каторжного труда не прошли даром. Ладони огрубели, на спине и рёбрах появились незаживающие гематомы. Да и лицо цвело синяками, как пасхальное яичко. Работали мы с Димкой в одной бригаде, которую в последнее время стали гонять на лесозаготовки. Тяжёлый монотонный труд действовал оглушающее и я уже чувствовал, что всё больше и больше тупею. Надо было что-то делать.

Вечером, после баланды и построения, мы собрались в тупичке, образованном составленными буквой «П» нарами. Шлёпая по доскам засаленными картами, тихонько переговаривались между собой:

– Что-то засиделись мы здесь, Дима, – проговорил я.

– Да я тоже так думаю. Вот только как выбраться отсюда? Стерегут нас хорошо. Ночью точно не уйти.

– Ну да. Ещё и собаки. Ночью не вариант. Остаётся только днём.

– А как? На делянке тоже охрана не дремлет.

– От туда можно попробовать. Мы же тоже чего-то стоим. Вот, смотри, когда инвентарь получаем или сдаём, мы по двое или по трое в прорабскую заходим. Так?

– Так. И что?

– А то! Бригадир там один и с ружьём. Неужели вдвоём не обезоружим?

– Ну, это на раз. Мы же близко к нему подойдём.

– Вот. Одно ружьё уже есть. А если он ещё кого-нибудь из охраны позовёт, вот тебе и второе ружьё.

– А если не позовёт?

– Надо убедить.

– Ну ладно, взяли мы ружья, а дальше что?

– А дальше нужно прорываться к КРАЗу. Тот, седельный тягач. Помнишь? Машина мощная, вездеход. Прицепом или кузовом не обременена, и паркуется всегда недалеко от прорабской. Ну, и вперёд.

– Рискованно.

- Согласен. У тебя есть что то более безопасное?
- Нету. Ладно. Принимается.
- Тогда давай договоримся на берегу: в случае чего, стреляем на поражение.
- Жалко колхозников-то.
- А они нас жалеют? И учти, стрелять они по нам всерьёз будут.
- Ладно, договорились.
- Значит, завтра на сдаче инвентаря.
- А почему не с утра?
- А вечером до темноты недалеко. Ты думаешь, нам спокойно уйти дадут? Наверняка погоня будет. А в темноте легче затеряться.
- Хорошо.

Я размял затёкшее тело, привычно болящее всеми своими синяками и вытянулся на нарах. Завтра решающий день. Риск, конечно, огромный. Я не тщу себя надеждой, что нас оставят в живых в случае неудачи нашего мероприятия. Но и оставаться бессловесной тягловой скотиной, постепенно тупеющей и скатывающейся до первобытного состояния, не собираюсь. С такими мыслями я и уснул.

На делянке было шумно. Визжали о древесные комлидвуручные пилы, матерились надсмотрщики, стучали топоры. Мы с Димкой орудовали топорами, очищая спиленные стволы от веток и с замиранием сердца ждали окончания рабочего дня. Работы стали сворачивать, когда уже начинало смеркаться. Работники унылой массой потянулись к прорабской сдавать инвентарь. Наконец и наша очередь. Внутренне напрягшись, я шагнул через порог вслед за Димой, незаметно отпихнув локтем худосочного парнишку, сунувшегося третьим, и закрыв за собой дверь.

Бригадир, развалившись на стуле, закусывал только что выпитый самогон бутербродом с салом:

- Показывайте, доходяги. Не сломали инструмент? Сюда давайте.
- Ага, – сказал Дима и, неуловимым движением обогнув стол, приставил лезвие сохранным мной ножа. – Только вякни. Видел, как сучки от топора на делянке отлетают? Твоя голова так же отлетит. Если понял, кивни.

Мужик кивнул, глядя на вас выпученными глазами. Я забрал ижевскую вертикалку, прислоненную к столу и снял со спинки стула патронташ.

– Зови охранника. Только спокойно, – слегка нажав финкой на горло, сказал Дима. – Если он что-то заподозрит, нам терять нечего.

- На что вы надеетесь? Вам не уйти, – прохрипел бригадир.
- Не уйдём, так вас здесь, упырей, покрошим, – ответил я. – Зови!
- Григорий! – крикнул бригадир.
- Ась? – раздалось за стенкой вагончика.
- Зайди, дело есть!
- Ну что там ещё? – охранник неохотно зашёл в помещение и удивлённо ойкнул, увидев направленные на него стволы ижевки.

– Тсс, – приложил я палец к губам. – Ружьишко-то отдай. И патронташ тоже. А теперь проходи поближе к своему корешу.

Оставив за столом связанных друг с другом бывших хозяев, мычащих что-то сквозь самодельные кляпы, мы притаились возле выхода. Сдачу инвентаря контролировали только три охранника, один из которых сейчас связанный с кляпом во рту сидит в вагончике. Остальная охрана уже собралась поодаль возле задрипанного москвича и жигулёнка – семёрки, на которых обычно нас сопровождала. Из окошка прорабской было видно, как они передают по кругу бутылку самогона. А что, рабочий день подходит к концу, можно и расслабиться.

– Дима, выскакиваем из дверей. Ты налево, я направо. Сразу открываем огонь по охранникам. Ты берёшь на себя вон того, что стоит возле штабеля. Я беру второго, возле бульдозера. Стреляем только по одному выстрелу, второй патрон не тратим, и сразу к седельному тягачу. Там второй выстрел и в машину. И работаем быстро. Не мешкаем.

– Принял.

– Тогда вперёд.

Мы выскочили из вагончика и, почти одновременно, выстрелили по своим целям. Такого нашего появления никто не ожидал. Димка своего достал, а мой от неожиданности кувыркнулся за бульдозер, выронив ружьё и что-то вереща. Тот самый худосочный парнишка, которого я отпихнул локтем, метнулся к гусенице бульдозера и подхватил ружьё. Народ заволновался, но больше никто не решился на открытое действие. Мы побежали к КРАЗу и запрыгнули в кабину. Я уже закрывал дверь, когда в неё просочился парнишка, потеснил меня на сиденье и, высунув стволы в окно, жажнул дуплетом. В ответ так же раздалась выстрелы. К нам бежали оставшиеся охранники, стреляя на ходу. Дима завел машину, повёл по просеке и, выскочив на просёлок, притопил на всю железку.

– А вот и погоня, – проговорил Димка, ворочая огромный руль. – Семёрка на хвост садится.

– Москвича не видать? – спросил я.

– Нее. Куда ему? А жигуль бодрый. С хвоста не скинем.

Километров пять мы ещё мчались, сохраняя лидерство. Потом семёрка стала нагонять, пытаясь обогнать слева. Дима крутанул руль, и преследователям пришлось отстать. Послышались выстрелы, видимо по колёсам, но пока бог миловал.

– Дима, ненароком, как бы не специально, пропускай их справа, – скомандовал я.

– Ты что задумал?

– Если их сейчас не пропустим, они нам колёса прострелит. И тогда попадём в аховое положение. А если увидят, что получится обогнать, колёса пожалеют. Это, как-никак их машина. Резиной по нынешним временам не разбрасываются. Они как планируют: обгонят, стволы в лобовое стекло наставят и всё.

– И?

– А мы им во время обгона картечь в крышу с двух стволов. Они же подставятся. А крыша у жигуля не бронированная. Жестянка. Прострелим, как бумагу. Пацан, готов?

– Готов. Зарядил. Меня Гошей зовут.

– Отлично, Гоша. Разряжаешь дуплетом своё ружьё и сразу из моего туда же. Бей в район водительского места.

Получилось, как пописанному. Жигули уже обгоняли нас, когда парень дуплетом жажнул из окна. Аж в ушах зазвенело. Тут же, бросив ружьё под ноги, перехватил моё и выстрелил опять. Семёрка пошла юзом, влетела под КРАЗ и, отброшенная бампером, вылетела в кювет и перевернулась. Не загорелась, конечно, но из неё никто так и не вылез. По крайней мере, пока я, перегнувшись через Гошу, смотрел в окно. Я уже опять усаживался на место, когда раздался ещё один удар, который бросил меня головой в лобовое стекло:

– Что это было? – спросил я, потирая ушибленный лоб.

– Прикинь! – возбуждённо заорал Дима. – Эти придурки на москвиче наперерез выскочили и решили своей консервной банкой нам дорогу перекрыть.

– И что?

– Да вон, из кювета выбираются. По-моему им догонять уже не хочется. Да и не на чём. Вон, кого-то на руках выносят. Идиоты.

– Больше никого не видать?

– Не видно. Кажись, оторвались. Только соляры немного. Они же с утра заливаются. А за день пожгли немало.

– Ну, насколько можно, нужно уйти подальше. Только вот с дороги надо бы куда-то на партизанскую тропу уходить. Ты, Дим, не знаешь эти места?

– Откуда мне? Я же не местный.

– Я знаю, – голос подал Гоша. – Я местный.

– Ну, показывай, Сусанин.

Мы съехали с дороги и стали пробираться просеками, балками и, чуть ли не тропами, благо, ходовая КРАЗа позволяла. До границы района не доехали километров десять, когда машина, съев последние капли солярки, заглохла. Мы сидели в темноте, обозревая окрестности в свете фар.

– Ну, всё, – хлопнул по рулю Димка. – Дальше на своих двоих.

Как ни хорошо было ехать, а пешком идти придётся. И это в кромешной темноте через лес. В машине нашли фонарик. Ну, как фонарик. Недоразумение не толще шариковой ручки и раза в два короче. Но хоть что-то. Мы закинули ружья на плечи, перепоясались патронташами и закрутили головами.

– А куда идти-то? – спросил я.

– За мной идите, – ответил Гоша. – Я эти места знаю.

– И откуда ты всё знаешь? Ладно, там местный. А здесь?

– Я здесь недалеко практику проходил, когда в лесном техникуме учился. Если туда к реке идти, в шести километрах леспромхоз стоит. А если сюда, километрах в двух заимка лесника.

– А в бараке сейчас баланду дают, – смешно протянул Димка, копируя героя из известной комедии.

– Смех смехом, а кушать что-то действительно надо. Да и в дорогу пайком обзавестись тоже не мешало бы.

– Здесь два варианта: или в леспромхоз, или к леснику, – предположил Дима. – Только там едой разжиться можно.

– Нет. В леспромхоз не пойдём. Там народу много. Мне в какое-нибудь рабство снова угодить не улыбается.

– Ну, тогда лесник. Веди, Гоша.

Часа через полтора ходьбы в темноте по буеракам и кушарам, мы, облепленные паутиной, в облаке мошкары, вывалились на поляну перед забором, огораживающим двор лесника. Заимка, насколько было видно в темноте, представляла собой классический тип подобного жилья. Просторная изба, сложенная из могучих брёвен и крытая, по-видимому, тёсом, подслеповатые окошки, из которых пробивался слабый неровный, видимо от керосиновой лампы, свет, дверь, сколоченная из толстой доски, Основательный забор и большой сарай, из которого доносилось мычание коровы. Осторожно, ошестинившись стволами, мы вошли во двор. А вот и первые непонятки. У просторной, как и всё здесь, будки, лежала мёртвая собака. И, скорее всего, отравленная, потому, что видимых повреждений не было, а вокруг головы растеклась лужа чего-то мерзкого. И это совсем нехорошо, если я правильно понимаю. Знаками я показал расстановку сил и, если Димка привычен к таким командам, то Гоша, на удивление, быстро схватил, чего от него хотят, и взял на прицел ворота. Дима бесшумно вскочил на крыльцо, дождавшись, когда я подошёл, рывком открыл дверь и, пропустив меня вперёд, заскочил следом. Единственное помещение освещалось керосиновой лампой, стоящей на самодельном дощатом столе. Посреди комнаты возвышалась русская печь, внушающая уважение своими размерами. Вообще, исходя из размеров всего, на что падал глаз, складывалось мнение, что здесь живёт великан или, по крайней мере, человек, страдающий гигантоманией. Вдоль стены под окном стояла грубо, но прочно сколоченная кровать, на которой в полутьме что-то слабо шевелилось. Быстро проконтролировав помещение, мы подошли к кровати и увидели на

ней мужчину лет пятидесяти лежащего поверх покрывала в верхней одежде и сапогах. Мужчина неровно дышал, на бледном лице выступила испарина, а блуждающий взгляд бессмысленно метался по потолку.

Дима метнулся к ведру с водой, стоящему на лавке у входа, набрал ковшик воды и поднёс к губам бедняги, приподняв его голову второй рукой за затылок. Мужик автоматически глотнул раз, другой, взгляд его прояснился. Он уже осмысленно глянул на нас:

– Вы кто такие? – спросил он слабым голосом. – Что вы тут делаете?

– Мимо шли. Что с тобой, мужик? Ты лесник?

– Да. Лесник. Помираю я.

– Кто тебя так?

– Никто. Сам я. Когда по радио сообщили о войне, я сначала не поверил. А потом услышал серию взрывов вдалеке. Примерно в той стороне находился какой-то военный объект, который строили в обстановке полной секретности года три назад. Что там, не знаю. Кругом колючей проволоки понатыкано, камеры видеонаблюдения, часовые на вышках, мотопатрули... Короче, я туда и пошёл посмотреть. Мало ли? Если действительно их бомбили, может чем-то разжиться получится, – лесник замолчал, обессилено откинувшись на подушку, потом жадно припал к опять поднесённому к его губам ковшу с водой.

– Бомбили действительно этот объект, но посмотреть, что там, я не смог. Ударили по объекту какой-то химической гадостью. Я и не понял сразу. Сначала плохо стало Барсу. Это моя собака. Когда до меня дошло, было уже поздно. Я его дотащил до дома и оставил возле будки. Он ещё живой был. Скажите, он умер?

– Умер.

– Теперь моя очередь. Обидно.

А мужик действительно оказался крепкий. Держался почти до утра. Мы по очереди дежурили у его постели, сами ютятся на широких лавках вдоль стен. На рассвете меня разбудил Гоша:

– Лесник умер, – сказал парень дрожащим голосом. – Не дышит.

Я поднялся с лавки, потянулся всем, затёкшим от лежания на голых досках, телом. Покойный, неестественно вытянувшись, лежал, запрокинув немного назад заострившееся серое лицо.

– Похоронить бы надо, – подошёл Дима.

– Во дворе и похороним. Посмотрите в сарае лопаты. Должны быть.

Лопаты действительно оказались в сарае, и мы быстро втроём выкопали могилу. За неимением гроба, лесника завернули в плюшевый коврик с оленями, висевший над кроватью. Молитв никто не знал, поэтому ограничились словами: «Во имя Отца и Сына и Святого духа! Аминь», – а после того, как закопали: «Земля тебе пухом».

– Как его, хоть, звали-то? – озадачился Дима, примеряясь шариковой ручкой к сколоченному наспех из найденных в сарае досок, кресту.

– Не знаю, – отозвался Гоша.

– Ты же здесь на практике был.

– Я в леспромхозе практику проходил. А сюда нас на экскурсию возили. Был лесника изучать. А имя его мы и не спрашивали.

– Пошарь в доме, – вмешался я. – По любому там его документы должны быть.

Гоша умчался внутрь и, спустя минут пятнадцать, выскочил, размахивая паспортом.

– Нашёл! Павел Георгиевич Кривошеев 12 июня 1963 года рождения.

– Ну, вот и формальности соблюдены, – заключил Димка, заканчивая надпись. – Эпитафии писать не будем. Спи спокойно, дорогой товарищ, мы за тебя отомстим.

– Как вы можете? – взорвался Гоша. – Тут человек умер, а вы шутите!

– Ты, малой, успокойся, – оборвал его я. – Да, умер. И что, безутешно рыдать на его могиле? Последнюю дань усопшему отдали, похоронили по христианскому обычаю. Что ещё?

Мёртвое – мёртвым, а живым жить надо. А, в наших условиях, вообще за жизнь бороться. Ну, если тебе надо, поизображай вселенскую скорбь. А сейчас, пошли в дом. Надо поесть, посмотреть, что нам пригодится в дороге. А то, как мы ночью хлеб под воду поклевали, так и ничего больше. В животе кишка кишке дули крутит.

А лесник неплохо устроился. Помимо яиц и хлеба, найденных в доме, на чердаке обнаружили вяленые окорока и колбасы, а в леднике молоко, масло и подсолненное мясо. Ну и по оружию тоже неплохо. Помповик на шесть патронов и «Сайга» – клон автомата Калашникова с магазином на пять патронов. И, самое главное, всё под двенадцатый калибр. Дима сразу вцепился в помповик, как будто кто-то его у него забирает, а я забрал было себе «Сайгу», когда Гоша вытащил из под кровати железный удлиненный ящик и открыл его. А там лежал ОН. Охотничий карабин «Тигр» собственной персоной» со стандартным армейским прицелом ПСО-1 и цинком патронов 7,62x54R. Перед этим красавцем никто бы не устоял. Ну а я тем более. Слабохарактерный я на эти вещи. Я отдал пригорюнившемуся было Гоше «Сайгу» и потянул в ящик свои загребушие руки. Нашлись и рюкзак и две крепкие походные сумки, в которые мы стали укладывать всёнеобходимое в дороге. Набралось немало, но, главное, душа теперь была спокойна за наш походный быт. Кружки, ложки, котелок и даже пара солдатских фляг тоже разместились по сумкам. К великой радости Димы нашли крепкие юфтевые сапоги как раз его размера. Обзавелись, кроме того, камуфляжем, опять-таки Димкиного размера и двумя брезентовыми плащ-палатками армейского образца.

Ну, расслабились мы, надо сказать, основательно. Даже стыдно. А судьба бьёт за неуместную расслабуху жестоко. Так и здесь. Мы обедали, умильно поглядывая на сложенные сумки и прислоненное к ним оружие, когда за оградой раздался шум двигателей, и во двор въехала вахтовка наших рабовладельцев.

Вот такой подлости от судьбы мы не ожидали. Из вахтовки горохом высадились и рассредоточились по двору человек восемь мужиков, с ходу взявших на прицел наши окна и дверь. Димка понял меня с полувзгляда и сразу скрылся в подполе. Дело в том, что подполы в деревнях обычно оборудуются небольшой дверкой в задней стене, через которую туда загружают картошку или другие припасы, чтобы не таскать всё это через дом. Вот Дима и хотел попытаться выбраться из дома через этот, в нашем случае, аварийный выход. Я, по приставной лестнице, взлетел на чердак, наказав Гоше в случае стрельбы особо не высовываться, а вести из окон неприцельный беспокоящий огонь. Чтобы, типа, служба мёдом не казалась. На чердаке я не стал соваться к слуховому окну, справедливо полагая, что за ним, уж точно, приглядывают. Вместо этого, расшатав ножом гвозди, осторожно сдвинул в сторону тесины у самого карниза со всех четырёх сторон, обеспечив себе отличные стрелковые позиции, от которых можно было бы укрыться только у самых стен дома. Шума и стрельбы снаружи не было слышно, значит, Димке удалось выбраться из подпола тихо. И хорошо. Помповик при обороне вещь непрактичная. Им лучше в ближнем бою, при внезапном соприкосновении с противником. Конечно, хватало и нормального длинноствола, но, сидя только в обороне, войну не выиграешь. А имея надёжную маневренную группу, способную работать в тылу и наносить неожиданные удары в спину и тут же отходить, повоевать можно. Вот тут помпе самое место. А на оперативном просторе Дима развернётся. Я в этом был уверен. ДШБ есть ДШБ. Странно, но и осаждающие не особо торопились, видимо не решаясь двинуться вперёд и не зная, что делать. Уж о том, что мы у них три ружья умыкнули, они были в курсе. И нарваться на картечь колхозникам явно не хотелось. Это вам не над безоружными рабами измываться. Как бы то ни было, а время подготовиться они нам дали. Я уже приспустился с лестницы назад, когда на улице всё-таки нашёлся смелый:

– Эй! Уроды! – проорал мужик, в котором я узнал бригадира с делянки. – Ружья выкидывайте, руки в гору, и, может быть, мы вас не тронем.

– Ты на себя посмотри, харя колхозная! – ответил я ему, спустившись пониже, чтобы не выдавать свои позиции на чердаке. – Вы ведь в курсе, что у нас оружие есть. Предлагаю разойтись тихо, мирно и без стрельбы.

– Ты на что надеешься, ухарь? – смелел бригадир. Патронов у вас мало, вы окружены. Рано или поздно, всё равно до вас доберёмся. Никуда вы не денетесь. А тогда я за вашу жизнь и копейки не дам.

– А ты доберись сначала! – продолжал провоцировать его я.

Не знаю, сколько ещё мы бы так болтали, но у кого-то не выдержали нервы. Выстрел откуда-то из-за сарая разнёс стекло в окне. Ну что ж, первый шаг сделан. Со всех сторон раздались залпы и картечь вперемежку с дробью загуляла по комнате. Хорошо, хоть стены деревянные, рикошета мне ещё здесь не хватало. Я опять взлетел на чердак и, заняв позицию, глянул в прицел. Ага, вот и наш слишком нервный из-за сарая лупит из обоих стволов в белый свет, как в копеечку. Плавню подвёл галочку прицельной сетки к его голове и нажал на спуск. Голова взорвалась красным фонтаном и тело пропало. Минус один. Хорошо стрелять. Дистанция детская. Тут и с открытым прицелом грех промахиваться. Из окна стрельнул Гоша. Было слышно, как он перебежал к другому окну и опять выстрелил. Молодец. Сечёт фишку. Не даёт скрытно подобраться к стенам. А где же Димка? По крыше ударил заряд картечи. Кто это такой умный срисовал меня? Я перешёл к торцевой стене и опять прильнул к окуляру. Вот ты где! А ну-ка лови! Мужик у колодца нелепо взмахнул руками и навалился грудью на небольшую подставку для ведёр. Ибо нефиг. Не мы начали этот тарарам, не нам и комплексами мучиться. А 7,62x54, это вам не фунт изюма. Тут и убивать не надо. Простое ранение напрочь отбивает желание и способности воевать. С этой стороны или нападающие кончились, или до них дошло, что что-то пошло не так, но стало тихо. А вот со стороны ворот зашевелились.

– Петро! – кричал бригадир из-за поленницы. – Давай к вахтовке. Там у меня канистра бензина в кабине. Сожжем их к чёртовой бабushке!

А вот так мы не договаривались. Я стал внимательно обзирать двор, не обращая внимания на участвовавшую стрельбу и крики с задней стороны дома. Это Димка нарисовался собственной персоной и шорох наводит. Зуб даю. Ага! Вот и Петро! Изображая из себя Рембо, неуклюжими бросками и перекатами Петенька устремился к машине, видимо считая себя достаточно крутым, чтобы в него попали. Наивный. Кто же боевикам верит? Пуля в плечо придала ему ускорение и он, наконец, покатился с нужной для такого маневра скоростью. Только ему уже это было не нужно. Ну не хотел он больше воевать. На заднем фланге всё затихло. Неужели кончились супостаты?

– Витёк! Сколько у тебя? – раздался оттуда голос Димки.

– Минус три. И бригадир наш за поленницей сидит, сдаваться предлагает. А у тебя?

– И у меня трое.

– Где-то ещё один.

– Он под окном сидит, – пояснил со своей позиции Гоша. – Придурок. К окну прорвался, а теперь ни отойти, ни в окно залезть.

– Я его на себя беру, – отозвался Дима. – Витёк, бригадира контролируй, чтобы он из-за поленницы не шамальнул. Ну и чтобы не убёг.

– Идёт, – ответил я. И уже Гоше: – Пацан! Отойди в глубину комнаты и контролируй окна. Главное не высывайся. Понял?

– Понял.

Я взял на прицел поленницу, за которой явно заволновался бригадир. Наконец, придя к верному решению, он выкинул из-за укрытия ружьё и, подняв руки вверх, несмело ступил на открытое пространство.

– Не стреляйте! – срывающимся от страха голосом прокричал он. – Я сдаюсь!

– А вот это правильно, – из-за угла показался Димка, ведущий ещё одного пленника. – Всё, враги кончились. Даже неинтересно как-то.

Я спустился вниз и мы с Гошей вышли во двор. Димка по хозяйски уже разложил пленников мордой в землю, руки за головы и ноги на ширине плеч и сноровисто их обыскивал. Рядом на земле валялась кучка конфиската: курево, зажигалки, ножи. Один очень даже неплохой, правда, по мне, тяжеловатый. Ого! Гаванская сигара в пенальчике! Хорошо колхознички живут. Деньги. Это может и пригодиться. Сотовые телефоны. И зачем они им, если связь накрылась? Наверное, для понту. Сотки реально крутые. Не иначе, как салон связи разбомбили. Оставив Гошу караулить пленных, мы прошли по убитым. Тоже ничего интересного. Такой же, примерно, набор. Усадив пленников вдоль стены, приступили к допросу. Ну, как к допросу. Просто, захотелось пообщаться напоследок. Ну и выяснить пару непонятных моментов. Ничего, в принципе, необычного узнать не удалось. Когда выяснилось, что мы убежали, да ещё угробили две машины и шестерых охранников, за нами отправили погоню. Главным назначили бригадира – косяки замазывать. Он же нас упустил. Прикинули, что далеко мы не уедем на остатках соляры, да и патронов у нас нельзя сказать, что много. По просёлку ехали, пока не нашли место, где мы съехали с дороги. Ну а там всё просто. Колею КРАЗ оставил вполне приметную. По ней и доехали до брошенной машины. А там тоже не надо было быть крутым следопытом. По темноте мы ломились как лоси и тоже нехилый след за собой оставили. Ну и кто-то вспомнил, что где-то в этом направлении есть сторожка лесника. Так нас и вычислили. Да. Всё гениальное просто. Тут не поспоришь.

– Что же ты, бугор, с первого раза не понимаешь? – спросил бригадира Дима. – Мы же вас ещё там порешить могли, да грех не захотели на душу брать. А ты опять туда же.

– Я не хотел! Меня заставили, – затрясся всем телом бедолага.

– Заставили, – передразнил его я. – А измываться над людьми тоже заставили?

Бригадир тяжело задышал, побледнел и покрылся испариной. Второй пленник просто тихо скулил, размазывая слёзы по чумазому от пороховой копоти лицу.

– Что делать с ними будем? – поинтересовался у меня Дима, когда мы отошли в сторону.

– Не знаю. В бою бы рука не дрогнула. А так, расстрелять рука не поднимется.

– Так и у меня тоже. Может, привязать их к деревьям и отдать на волю случая.

– А потом всю жизнь совестью мучиться? Это ведь тоже убийство. Только более мучительное и гнусное. Нет. Не пойдёт. Отпустим. Пусть на своих двоих до дому добираются. Им, по-моему, там тоже мало не покажется. Особенно бригадиру. Но это уже не наша забота.

– Лады, – он подошёл к пленным. – Эй, бугор!

– Что, – вскинулся ещё более побледневший бригадир.

– В машине много горючки?

– Под пробку заливали. Не знали ведь, сколько вас искать будем, – угодливо заблеял пленный.

– ЗИЛ, конечно не КРАЗ, но пойдёт. Короче, слушай сюда. Живите пока, твари. Но помните и своим передайте. Если ещё раз, хотя бы почуем за собой погоню, вернёмся и вырежем всех. Вплоть до детей в колыбельках. Запомнил?

– Да-да, – заискивающе забормотал бригадир, быстро меняющий цвет лица с белого на обычный.

– И я не шучу. Сами видели: двенадцать человек ваших на тот свет уже отправили.

– Сейчас мы уедем, а вы похороните ваших корешей, что ли, – вмешался я. – Вон там уже одна могилка свежая есть. Лопаты в сарае. Всё-таки христиане. Негоже всё так бросать.

Мы погрузились в машину. Я занял место в кунге, осваиваясь в потолочном люке со своим «Тигром», а Дима с Гошей уселись в кабину. Трёхмостовый ЗИЛ-131, бодро взрыкнув мотором, тронулся с места, оставляя за собой растерянных горе-воjak.

Сто тридцать первый бодро катил по лесной дороге, поглощая своими рубчатыми колёсами километр за километром. Правильно говорят, лучше плохо ехать, чем хорошо идти. В нашем случае и ехать было неплохо. Я уютно задремал на мягком сиденье кунга и даже не заметил, как машина остановилась. Проснулся от того, что меня мягко потряс за плечо Дима:

- Ну, ты, брат, мастер на массу давить, – засмеялся он, увидев, что я открыл глаза.
- Так ведь не выпались же, – оправдался я. – Чего встали?
- Там впереди лес кончается, а дорога дальше в населённый пункт упирается какой-то.
- И что?
- А на въезде баррикада. И люди с оружием ходят. Вот и думаем, туда ехать или нет.
- Объезд есть?
- Гоша говорит, что есть. Только возвращаться надо. Километра два назад пилить.
- Надо объезжать. Не хочется что-то мне туда соваться. Разворачивайся.
- И даже не посмотришь?
- А что смотреть? Это если бы нам через них ехать пришлось, можно было бы глянуть.

А так... Что я там не видел?

- Воля ваша, господин начальник, – засмеялся Дима и вышел из кунга.

Вернулись назад, отыскивали объездную дорогу и покатали по ней. Конечно, может и не было ничего страшного в этой баррикаде. Может это просто силы самообороны. Времена нынче смутные, и народ организуется, как получается. Но рисковать почему-то совсем не хотелось. И опять зашлёпали своими лапами по кунгу разлапистые ели, навевая дремоту. Стало светлее и я, посмотрев окно, увидел, что мы вырвались из леса и движемся по наезженной просёлочной дороге, оставляя справа негостеприимный населённый пункт. От крайних домов наперерез нам выскочил мотоцикл с двумя седоками, но увидев меня в потолочном люке с карабином наизготовку, резко развернулся и поехал назад. Вот так. Как хочешь, так и понимай. Хотя, чего там понимать. Поиметь с нас хотели. А мы не дали.

Лес закончился и поля менялись перелесками, открывая широкую перспективу на много километров вокруг. На ночёвку остановились у небольшого оврага, в котором протекал ручей с чистой родниковой водой. Я хватанул воду прямо с ладони, и зубы заломило от холода. А вода оказалась необыкновенно вкусной. Поужинали и принялись укладываться спать, предварительно определившись по сменам. Ещё раз попадать так, как попали на лесничей заимке, никому не хотелось. Себе взял самую собачью вахту – под утро, завалился в будке вахтовки и сразу заснул. По ощущениям, разбудили меня практически сразу. Я открыл глаза и ошалело сел на сиденье:

- Что случилось?

– Ничего. Твоя смена, – ответил Гоша и, не дожидаясь, пока я заступлю на пост, улёгся и сразу заснул.

Я залез на крышу и, усевшись по-турецки и положив «Тигр» на колени, закурил. Конечно, нарушение, да вот захотелось. Ещё было темно, но рассвет уже чувствовался. Ночные птицы петь уже перестали, а утренние ещё не проснулись. В воздухе разлилась какая-то чистая тишина. Похолодало, и на землю упал туман, оставляя на траве капельки росы. Всё в природе словно замерло в предвкушении восхода солнца. Даже я, забыв про сигарету, затаив дыхание следил за кульминацией этой пьесы, поставленной великим режиссёром – природой. Ещё чуть-чуть, и ещё, и вот над горизонтом показался маленький краешек небесного светила. И сразу природа взорвалась трелями птиц, стрекотанием кузнечиков и прочими природными звуками. Стало гораздо светлее, ночная тьма с готовностью уступила место дневному свету. Скоро уже подъём, поэтому я, ещё раз оглядевшись вокруг с высоты вахтовки, спустился вниз, набрал воды в котелок и разжёг костёр. К подъёму должен как раз кипятик подоспеть.

В сыром зябком воздухе раздался далёкий скрип, ну, как от несмазанного колеса. Я встревожено взобрался опять на крышу вахтовки и прильнул к окуляру прицела. Оптика послушно

приблизил горизонт, и я увидел вдали лошадь, уныло тянущую за собой самую настоящую телегу. В ней сидели трое: двое детей и женщина. Опасности нам они не представляли, а вот как информаторы, как раз были очень интересны. Я прыгнул за руль. Мотор завёлся сразу, и я помчался напрямик через поле к виднеющейся впереди телеге. Увидев едущую к ним машину, путники перепугали. Женщина остановила лошадь и, прижав детей к груди, со страхом смотрела, как я остановил машину и, выскочив из кабины, подошёл к ним. Спокойствия не добавили и Дима с Гошей, с трёхэтажными матами вылезавшие из будки, потирая ушибленные места:

– Ты с ума сошёл? – набросился на меня Димка. – Мы же по этой будке как мячики от стенки к стенке летали. Хоть бы разбудил сначала.

– Смотри, кого я нашёл!

– Кого? Ой! Здравствуйте, – только сейчас заметил предмет моего интереса Дима.

– Вы нас не бойтесь, – обратился я к женщине. – Мы домой едем. Просто не знаем обстановки вокруг, а в пути многое с нами уже случилось. Хотелось бы узнать, как тут у вас. Вы же местная?

– Местная. В город на базар еду. А где сами живёте?

– Тут недалеко дачный массив. Там и живём.

– Много вас там?

– Много.

– А как между собой? Люди сильно злые?

– Да нет. Спокойно у нас.

– А в городе?

– В городе по-всякому. Разные районы, разная власть. Если знать, куда не соваться, можно и в городе жить.

– Ну, спасибо вам за информацию. Больше вас не задерживаю. Езжайте спокойно.

Мы вернулись к ручью, и ребята побежали умываться. Вода в котелке выкипела почти вся, поэтому пришлось набирать новую и опять ставить на огонь. Пока вода закипала, нарезали хлеб и окорок, достали варёные яйца и разложили всё это на вафельном полотенце, захваченном в доме лесника.

– Гоша, завари чай. Вода закипела, – попросил я.

– Что делать будем? – спросил меня Дима.

– В дачный массив поедem. Если действительно там безопасно, можно будет немного там отдохнуть, припасы обновить. Да и бензином разжиться не помешает.

– А на что ты собираешься всё это покупать? Или ты думаешь, что нам всё это бесплатно дадут? Дураков нет. Вместе с мамонтами вымерли.

– А то, что у нас полная машина ружей колхозников, ничего?

– А при чём здесь ружья?

– А при том, дорогой, что по нынешним временам это самый ходовой товар.

– Точно! Как я сам не догадался.

Гоша принёс от костра котелок с чаем и разлил по кружкам.

– Гоша, мне вот непонятно, если ты местный, как ты в рабство то попал? – поинтересовался я.

– Да я сирота вообще-то. Бабка меня воспитывала. Я после девятого класса в лесной техникум поступил, а после окончания не захотел в деревню возвращаться. Устроился в кафе официантом. Потом война. Бабка умерла. Я поехал на похороны и попал прямо своим бывшим односельчанам в руки. Ну и вместо похорон оказался в бараке.

– Так ты же свой.

– Какой я свой? Я, после того, как в городе решил остаться, отрезанным ломтем стал. Меня за своего никто не считал.

– Понятно. Ну, что, давайте закругляться и поедем.
Мы быстро доели и тронулись в путь.

До дачного массива доехали за полчаса. Посёлок оказался довольно крупным. Небольшие, в основном, домишки утопали в по-весеннему буйно разросшейся зелены. С пригорка было видно, как копаются на огородах люди. Навстречу к нам по дороге весело запыхал полицейский УАЗик:

– Участковый уполномоченный старший лейтенант Терентьев, – представился полицейский, выйдя из машины.

Мы представились и вкратце рассказали о себе. Участковый пригласил нас к себе и, поехав вперёд, стал показывать дорогу. Мы углубились в переплетение улиц, проехали мимо магазина и остановились возле полицейского участка. Илья, как звали полицейского, хлопнул по кнопке электрического чайника и вытащил из тумбочки банку растворимого кофе, сахарницу и керамические кружки.

Под кофе, хрустя печеньями, мы в лицах стали рассказывать свои перипетии. Терентьев слушал внимательно, кое-где задавал уточняющие вопросы, иногда хмурился:

– Надо же, как быстро вся пена наружу полезла! – возмутился полицейский. – Месяца не прошло, а всякая тварь уже зубы показала. У нас в городе тоже, повылазили. Заводской район криминал полностью под себя подмял, в Залесском тоже какой-то хмырь республику объявил, район закрыл полностью и что там происходит, неизвестно.

– Делаа, – протянул Димка. – А у вас?

– А у нас пока порядок. Я тут навроде шерифа. Всякие такие поползновения пресекаю, ну и так далее. Ополчение организовал. Патрулируем по ночам. С оружием, правда, напряги.

– Ну, мы бы хотели за пару стволов у вас бензинчиком разжиться, да и питанием кое каким.

– Так это не проблема! – обрадовался Илья. – Договоримся.

– А что у вас сейчас в качестве валюты ходит?

– Да что ходит? Меновая торговля в основном. Ну и обычные деньги тоже принимают. Только дорого по деньгам всё.

– Вот по ценам ты нас и сориентируешь.

– Сориентирую. А что вы намерены делать дальше? – поинтересовался Терентьев.

– Я, лично, поеду дальше. А мои спутники пускай сами решают.

– Я с тобой, – быстро проговорил Дима.

– А я ещё не знаю. Оглядеться надо. Может, к вам попрошусь.

– Ну, осмотришься. А сейчас я вас поселю в домике. Есть у нас один пустой. Перекантуется.

Домик действительно был небольшой, но мы разместились без проблем. Перетащили в домик всё оружие и, оставив Гошу для охраны, отправились прогуляться. Гоша пробовал возмутиться, но бунт на корабле был немедленно подавлен.

– После обеда погуляешь. Всё равно здесь остаёшься. А мы пройдемся, воздухом подышим, на людей нормальных посмотрим.

Мы вышли со двора и потопали по тенистой улочке. Погода была тёплая. В воздухе одуряющее пахло цветом плодовых деревьев. Настоящая деревенская идиллия. Прохожие с интересом оглядывали нас, понимая, что мы чужие, но неизменно здоровались. Стайка детворы помчалась к протекающей неподалёку речушке, размахивая над головами самодельными удочками. Откуда-то пахло жареной картошкой. Сразу рот наполнился слюной, хоть и позавтракали совсем недавно. На душе было так хорошо и спокойно, что даже закралось предательское желание остаться здесь и никуда дальше не ехать. В душе у Димки, скорее всего, тоже зародилось такое же желание, потому что он остановился, вдохнул полной грудью и зажмурился от удовольствия:

– А хорошо-то как, Витёк!

– Да. Красота! Может, останемся?

– Хочешь, оставайся. Вон, Гоша уже обживается, наверное. А я дальше.

– Почему?

– Времена нынче беспокойные. Правильно говорил участковый: вся пена наверх выплыла. Я вообще удивляюсь, как криминал такой источник зелени и мяса ещё под себя не подгрёб. Ведь они уже сорганизовались. Вон, в городе целый район под ними. Значит, скоро и здесь появятся. А участковый со своим ополчением им на один зубок. Как пить дать, скоро сюда за данью приедут. Крестьяне не вояки. Они лягут под бандюков безропотно. А я не хочу больше под всякими козлами ходить.

– А Гоша?

– А что, Гоша? Он сам себе хозяин. Захочет, останется.

– Но, хоть объяснить ему надо.

– Хочешь, объясни. Дойдёт до него, с нами дальше поедет. А не дойдёт, или его устраивает под бандитами ходить, останется. Уговаривать никого не собираюсь. Ещё неизвестно, где опаснее: здесь, под криминалом, или в дороге. Так что, пусть каждый решает сам.

Мы ещё немного побродили по поселку, и пошли домой. Гоша уже колдовал над плитой и оттуда доносились соблазнительные запахи. Мы, не сговариваясь, уселись за стол и стали гипнотизировать кастрюлю. Пахло курятиной.

– Гоша, а где ты курочку раздобыл? – умильным голосом поинтересовался Дима. – Часом не украл?

– Нет. У соседей на десять патронов дрови выменял. Ругаться будете?

– Зачем же? Мы ещё местной ценовой политики не знаем. Может и надули тебя.

– Я торговался! – обиделся наш повар.

– Да ладно, успокойся, – осадил я Гошу. – Хвалим за хозяйственность. Молодец. Целую вечность нормальной еды не ел. То баланда в бараке, то сухомятка в дороге. Жиденькое в самый раз.

Кушали молча, усиленно работая ложками. Из Гоши вышел неплохой повар и куриный суп получился на славу. Только утолив свой голод мы, отдуваясь, откинулись на спинки стульев и одобрительно посмотрели на парня:

– Классно приготовил. Вкусно, – проговорил Дима, ковыряясь в зубах спичкой. – Даже расставаться с тобой не хочется.

– А чего со мной расставаться? Оставайтесь тоже. Места хватит. Чего по дорогам мотаться? Здесь хорошо. И девчонки имеются. Есть с кем замутить.

– Это сейчас хорошо. А когда бандиты на этот посёлок лапу наложат, тоже хорошо будет.

– С чего бы это?

– У них в городе целый район. А, значит, чёткая структура, в которой есть своя служба безопасности и боевики. А их кормить надо? Надо. А еду откуда брать? Где может быть для них кормовая база?

– Эээ.

– Вот тебе и э! К бабке не ходи, на днях заявятся. Поэтому мы дальше едем.

Участковый торговался не хуже классического еврея. Полчаса торга можно было снимать как шоу. В конце концов мы пришли к соглашению, что за два ружья нам заправляют ЗИЛ под пробку и дают продуктов в дорогу. Выезжать решили с утра, хорошо отдохнув в безопасности. Гоша, кстати, оставаться передумал.

И опять мы в дороге. Поля сменяются перелесками, перелески – полями. Пообедали на живописной полянке под пение птиц и гудение шмелей. На ночь съехали с дороги под сень разлапистых елей и стали готовиться ко сну. Как обычно, распределили смены, я заступил в

караул, с завистью поглядывая на товарищей, укладывающихся спать в будке вахтовки. Смена прошла спокойно и я, растолкав Гошу, завалился на мягкие сиденья и уснул.

Проснулся от бьющего в глаза яркого света. Уже открыв глаза, попытался подняться, но получил сильный удар в челюсть. Дежавюкакое то! Скоро начну привыкать к таким пробуждениям. Меня выволокли из будки на улицу, где уже были Дима и избитый Гоша.

– Я уснул, – прошептал парень разбитыми губами. – Простите меня.

Вокруг нас стояло около десяти крепких молодых парней в военной форме направивших на нас свои автоматы. Мы ошалело крутили головами, ничего не понимая:

– Бойцы! Вы что творите? – придав голосу командирские нотки, спросил я.

– Пасть заткни, сука! – прорычал один из них и ударил меня в лицо прикладом. А дальше темнота.

Я очнулся от того, что кто-то брызгал мне на лицо водой. Сразу подняться и сесть не удалось. В голове катнулся тяжёлый чугунный шар и меня вырвало.

– Лежи, не дёргайся, – раздался надо мной голос Димки. – Приложили тебя знатно.

– Где мы? – спросил, отдышавшись, я.

– На хуторе каком-то. В сарае запертые сидим.

– А что случилось-то? Помню, военные какие-то были.

– Это дезертиры. Они на этом хуторе обосновались.

– А мы им зачем?

– Говорят, утром нас на базар повезут. Продавать.

– А Гоша где?

– Да вот он рядом плачет.

И действительно, в темноте ясно слышались всхлипы и шмыганья:

– Это я виноват. Проспал.

– Не вини себя. Может и хорошо, что проспал. А так бы убили бы тебя, чтобы тревогу не поднял. А у нас против них шансов не было. Это тебе не от колхозников отбиваться.

Вот попали так попали. Может, действительно нужно было в том посёлке оставаться? Сбаламутил только людей и под монастырь подвёл. Ну да ладно. Снявши голову, по волосам не плачут. Дальше видно будет. По крайней мере, пока нас не убьют. А приложили меня действительно знатно. Опять сотрясение схлопотал. Тут и гадать не надо. Я попытался встать, но чугунный шар в голове опять катнулся, в глазах потемнело, и я поспешил сесть. В таком виде я точно не боец. Остаток ночи я то впадал в забытие, то опять выплывал на поверхность. Дима с Гошей как могли пытались облегчить мне страдания, но легче мне не становилось. Слабые, ещё несмелые первые лучи солнца пробились сквозь щелястые стенки сарая. Темнота не ушла, но стала гораздо прозрачнее. Я огляделся. Классический селянский сарай. Ничего особенного. Оборудованные загоны для скота, в одном из которых сидели мы, брошенные на землю охапки соломы в качестве лежанок для нас, грязное ведро, так называемая параша, ещё одно, по-видимому с водой. Ну, про прочую антисанитарию можно не рассказывать.

Утро уже было в самом разгаре, когда о нас всё-таки вспомнили. Замок загремел и дверь со страшным скрипом, отозвавшимся в моей голове раскалывающей болью, открылась. В проём заглянул вояка, проконтролировал стволом автомата пространство сарая и впустил внутрь женщину средних лет, достаточно миловидную, с, прямо скажем, выдающимися формами. Женщина занесла булку чёрного хлеба и луковицу:

– Вода в ведре, – буркнула она, брезгливо глядя на нас, потом, недовольно дёрнув плечом, важно выплыла прочь.

– И не тяните. Жрите быстрее. Скоро поедем. Никто вас ждать не будет, – пролаял охранник. Дверь опять заскрипела, доставляя мне очередные страдания, и закрылась.

Поесть мы успели едва-едва. Опять мучительный скрип и в дверь ввалилась толпа уже успевших принять грамм по сто дезертиров:

– Готовы? Давайте на выход, – скомандовал здоровый парень в разгрузке поверх камуфляжа.

Мы поднялись и пошли на улицу. Меня мотыляло из стороны в сторону, голова кружилась и Димке пришлось меня поддерживать. Выйдя на улицу, я опёрся спиной о стенку сарая и осел на ватных ногах. Всё. Пусть меня хоть расстреляют. Дальше я не хожу. Димка теребил меня за плечо и что-то говорил, но мне уже было всё равно.

– Ты, Костян, что натворил! – Раздался голос того, в разгрузке. – На хрена ты его так прикладом приложил? Кому мы его сейчас продадим? Кто его такого купит? Людям работники нужны, а не доходяги!

– А что, сразу я, Старый?

– Не ты ему прикладом в рожу засветил?

– Ну, я. Он как заговорил, я, прям, ротного нашего перед собой увидел. Не сдержался. Тоже офицер, зуб даю! Как я это офицеры ненавижу! Старый, а давай мы его пристрелим и все дела. Всё равно сам сказал, что его никто не купит.

– Ты, салабон, совсем оборзел? Богатый, товаром разбрасываться? Затаскивай его назад в сарай. Дня два отлежится, потом продадим.

Меня подхватили под руки, как куль потащили внутрь и бросили на солому. Какое-то время спустя было слышно, как завелась машина, как бы не наша вахтовка, поработала немного на холостых оборотах, потом, судя по удаляющемуся звуку, поехала. Весь день я провалился на соломе, временами выпадая из действительности. Есть совсем не хотелось и, только, периодически глотал воду. Вечером я слышал, как приехала машина. Никого в сарай не завели, что означало только одно: моих друзей продали, значит я их больше не увижу. Обидно. Та же женщина занесла опять хлеб и, презрительно плюнув, опять ушла.

За ночь я немного пришёл в себя и меня днём даже выпустили на прогулку во двор. Я сидел на штабеле брёвен, греясь на ласковом весеннем солнышке, и наблюдал за постояльцами хутора. Общество однозначно было неоднородным. Главный – тот здоровяк по кличке Старый, который сожительствует с хозяйкой. Остальные одиннадцать человек представляли собой слоёный пирог из двоих ближайших подручных, шести бойцов и четырёх молодых солдат, «духов» по солдатской иерархии. Нравы достаточно вольные. Службой никто не обременён, разве только молодые несут службу по охране. Кроме хозяйки на хуторе я заметил ещё несколько молодых женщин довольно лёгкого поведения. Вообще, здесь царила довольно праздная атмосфера, где жили в своё собственное удовольствие, не задумываясь о завтрашнем дне. Вечером ко мне зашёл Старый:

– Ну, что, ты, вроде оклемался. Завтра готовься. Поедем на базар. И учти, с тобой больше никто возиться не будет. Опять начнёшь из себя доходягу корчить, в ближайшей канаве пристрелю. Понял?

– Понял.

– Старый! Это по любому офицер! – ворвался в сарай Костян. – Дай я его грохну!

– Остынь. Мы его продадим. Аслану, – глумливо ухмыльнулся Старый. – Всё. Пошли. А ты готовься. Завтра чтобы был как огурчик.

Они вышли из сарая и, топоча бёрцами, пошли к дому. У меня ночь для того, чтобы что-нибудь придумать. Эх, остался я один. Втроём можно было бы что-то предпринять. Напасть на часового? Нереально. Воду и еду заносит кто-нибудь из женщин. Часовой только контролирует на расстоянии автоматом. Может, подкоп? Я прошёлся вдоль стен. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что подкоп нереален. Земля, конечно, не бетон, но утрамбована до состояния цемента. Тут и лопатой вспотеть пришлось бы. А уж голыми-то руками – пустая затея. Окон нет, стены бревенчатые. Не выломаешь. Выход на сеновал закрыт на большой амбарный замок. И лестницы нет. Я забрался на перегородку между загонами и попытался пошевелить доски потолка. Дохлый номер. Доски стоят насмерть. Никаких вариантов к побегу.

Неужели придётся смириться? С такими невесёлыми мыслями я прилёг на солому и сам не заметил, как уснул.

Проснулся я от звука отпираемого замка. Опять заныли петли, дверь открылась, и темноту прорезал луч фонаря.

– Что, пора, что ли? – спросил я, закрываясь от слепящего света.

– Ага. Уже пора, – раздался такой родной сейчас голос Димки.

– Димка! Ты, что ли? – не поверил я своим ушам.

– Дух святой! – рассмеялся Дима. – Ходить можешь?

– Уже могу.

– Ну, пошли, тогда.

Мы вышли из сарая и направились к дому. Я чуть не споткнулся о труп одного из карaulных. Чуть дальше, словно тряпичные куклы, лежали ещё несколько трупов разной степени одетости. По двору ходили оборванные заросшие люди с автоматами в руках. Вдоль стены дома на коленях стояли оставшиеся в живых дезертиры. От их грозного вида уже не осталось и следа. Потерянные, чаще всего в одном исподнем, они жалко озирались по сторонам. Как я их понимаю! Сам так: ложился свободным человеком, проснулся рабом. Аж два раза. Правда, не всё выглядели так жалко. Старый, играя желваками, зыркал вокруг злобным взглядом. Жилы на шее вздулись канатами, и всё тело напоминало огромную взведённую пружину. Женщин загнали в освобождённый мной сарай, чтобы не мешали своими причитаниями. На входе одна из них споткнулась о порог и упала, что, конечно же, привлекло всеобщее внимание. И вот тут пружина распрямилась. Старый рванул вперёд, сбил с ног охранника и побежал к забору. В след ударила автоматная очередь, перечеркнувшая спину беглеца. Старый упал на землю, выгнулся, поскрёб пятками землю и умер. Из сарая донеслась очередная порция криков и рыдания.

– Пошли в дом, – сказал мне Дима. – Гоша, наверное, уже чай сварганил. Ребята здесь сами справятся.

Мы вошли в дом, и я увидел радостного Гошу, накрывающего стол. Мы тепло поздоровались и усаелись за стол:

– Ладно, мужики, давайте, рассказывайте, какими судьбами?

– Что рассказывать то? – ответил Дима. – Полдня мы простояли на этом базаре. Вот, Витёк, никогда не думал, что почувствую себя скотиной на скотном рынке. Мышцы шупали, зубы смотрели. Разве только в задницу не заглядывали. Стоим на солнцепёке, а эти гады рядом в тенёчке пиво потягивают. Короче, наконец, нас купил один фермер, повёз в скотовозе к себе. Думал, по дороге сбежим, да где там. С ним охрана: два мордоворота. Привезли нас к нему на ферму и, первым делом хорошо отходили по рёбрам резиновыми дубинками. Типа на будущее. Ну и сразу на поле. Работать. Ну, там и сошлись с ребятами. Я вас познакомлю. Ребята боевые. Они давно побег готовили. Тут и мы с Гошей к ним присоседились. Вот этой ночью всё и случилось. Сняли охрану. У меня сапожный нож всегда в сапоге лежит. Вот это всё и решило. Они-то хотели с голыми руками идти. А это не факт, что выгорело бы. Я торопился. Всё переживал, что тебя продать успеют.

– Меня завтра хотели какому-то Аслану сбегрить.

– Ну, значит, вовремя успели.

Вдалеке раздался звук автоматных очередей.

– Всё, – ответил на мой невысказанный вопрос Димка. – Нет больше наших дезертиров. Зачистили их ребята. Туда им и дорога.

В дом ввалилась шумная толпа, возбуждённо обсуждавшая последние события.

– А вот и ребята. Познакомьтесь: Игорь – морпех с Дальнего востока, в наши края к родне приехал, два бывших ОМОНовца Вадик и Серёга, ну и Михалыч, учёный из какого-то

закрытого НИИ, был здесь проездом, вот и попал. А это, ребята, Витя, про которого я вам говорил.

Мужики мне понравились. Игорь – коренастый парень с лобастой упрямой головой. ОМОНовцы оба, как на подбор рослые, русоволосые и голубоглазые, со славянскими чертами лица. Ну, прямо, близнецы. Михалыч – мужик примерно моих лет, немного астенического телосложение и с подслеповатыми умными глазами. Хорошая команда. Великолепная семёрка прямо.

– Димон говорил, что ты у них командир, – проговорил Вадик. – Принимай в свою команду.

– Впервые слышу, – хмыкнул я. – Вроде как меня никто не выбирал.

– Считай, что выбрали. Мы долго гадали, куда податься после побега. Димон этот хутор предложил. Часовых на раз-два сняли. Эти лохи службу вообще не тащили. А остальных вообще просто из кроватей повытаскивали. Правда, кое-кто дёргаться пытался, но успокоили быстро. И насовсем.

– А здесь хорошее место, – сказал Игорь. – Прав был Дима. Здесь нас точно никто искать не будет.

Мы перекусили на скорую руку, после чего я определился со сменами и мы легли спать уже в человеческих условиях.

С утра наладили баньку. Женщины, переночевав в сарае, присмирели и теперь покорно взяли на себя всю хозяйственную работу. Поэтому нам оставалось только зализывать раны и приводить себя в порядок. Наконец-то побрились, потом весело перешучиваясь, побрили друг друга налысо. В доме нашлись комплекты камуфляжа разных размеров и берцы, так что спустя время мы стали выглядеть не как сборище бродяг, а нормальным воинским подразделением. Наконец-то у нас появилось нормальное оружие, а не это охотничье недоразумение. Правда, «Тигр» решили оставить, как снайперскую винтовку, за неимением более лучшего. Впрочем, при должном умении и «Тигром» можно делов натворить. Карабин сразу попросил себе Вадик, как оказалось, штатный снайпер ОМОНа. Нашлись и разгрузки, и патроны к автоматам. Даже пара пистолетов заваялась. На заднем дворе хутора стояли два УАЗ-хантер и наша вахтовка. Решили отдохнуть этот день, а назавтра с утра отправиться в дорогу. Здесь никого ничего не держит, и команда единогласно решила ехать со мной.

Наутро, тепло попрощавшись с нашей, ставшей уже родной, вахтовкой, мы, на двух УАЗиках поехали дальше. Бензин нашли в старом пыльном гараже неполную бочку, заправили обе машины под завязку и наполнили все найденные канистры. Спустя километров десять наткнулись на поисковую группу того фермера, от которого убежали наши ребята. Однако эти поисковики нас даже не узнали, проехав мимо. Ну, можно сказать, им повезло. Шансов у них не было. Так что разминулись без проблем. Проблемы начались позже, когда впереди идущий УАЗ Димки, Вдруг затормозил, чуть не съехав в кювет. Мы поравнялись с ним, и на мой немой вопрос Димка показал мне на дорогу. Там в полном составе валялась дохлая семейка ежей.

– И что? – не понял я.

– Не нравится мне это. С чего бы это они вот так взяли и сдохли?

– Н-да. Давай потихоньку вперёд.

Мы на малой скорости проехали ещё немного и увидели на дороге и обочине тушки мёртвых птиц. Вот тут-то нам и поплохело.

– А ну-ка давайте назад! – скомандовал я.

Мы развернулись и на полной скорости отъехали от этого места километров десять. И только после этого, остановившись, собрались на импровизированный совет:

– Что думаете, мужики? – спросил я.

– Нездоровая ерунда какая-то, – отозвался Вадик.

- Это не радиация, случайно? – передёрнул плечами Игорь.
- Нет, ребят, не радиация, – уверенно заявил Михалыч.
- Ты-то откуда знаешь?
- Если бы это была лучевая болезнь, у этих ёжиков все колючки бы повыпадали. Да и у птиц перья тоже. Это или химия или что-то биологическое.
- Час от часу не легче. И что теперь со всем этим делать?
- Нужна информация об этом районе, – решил я. – Нужно найти кого-нибудь из местных жителей, кто хорошо эти места знает.
- И что это нам даст? – удивился Дима.
- Чем бы не долбанули впереди: ядерной беголовкой, химией или биологией какой, просто так боеприпас кидать не стану. Смотрите какой район вообще не бомбили. Сколько мы проехали уже. Значит впереди какой-то важный военный или государственный объект. И чтобы объехать зону заражения, надо знать, где он находился. Вообще, на будущее предлагаю вот так не лететь бездумно, а в первую очередь людей искать и спрашивать, что там впереди.
- Рискованно. Нарваться можно.
- Согласен. Рискованно. Но нарвёмся мы на реального осязаемого врага, с которым и повоевать можно. А эту дрянь не видно и, пока не загнёшься, не почувствуешь, что хватанул.
- В принципе, верно, – согласился Серёга. – Раз мы не имеем соответствующих приборов.
- А также навыков работы с ними, – добавил я.
- Да. Ни приборов, ни умения работать с ними у нас нет. Придётся вести разведку методом опроса с населением.
- И удвоить бдительность, – влез Вадик.
- Тогда куда дальше?
- Надо ещё немного назад сдать, – ответил я. – Я там просёлочную дорогу видел. А просёлки обычно к населённым пунктам выводят.
- Да, была там такая дорога, – вспомнил Дима. – Поехали?
- Поехали.

Мы вернулись ещё немного назад и съехали на просёлок. Дорога петляла через перелезок и, перевалив через небольшую возвышенность, мы увидели довольно большое село с колокольней в центре. Отсюда было хорошо видно, как по улицам ходит народ, люди заняты своим делом, и праздных не наблюдалось. Это внушало некоторую уверенность и мы, спустившись с холма, въехали в населённый пункт. Наши машины явно привлекли внимание. То там, то здесь из-за заборов нас разглядывали любопытные настороженные глаза.

- Село Дурново, – прочитал табличку на въезде Игорь. – Ну и названия у наших деревень!
- Был такой министр внутренних дел Российской империи, – пояснил Михалыч. – Скорее всего, это одно из его имений. Вот по фамилии и назвали.

Мы остановились возле магазина, который по давно сложившейся традиции во всех деревнях являлся культурным центром и местом начала всех новостей и сплетен, спешили и вошли внутрь. Типичное сельпо, коих не счесть по просторам страны. Терпкая смесь запахов гуталина, кирзовых сапог, одеколona «Шипр», пирожков и чего-то горьковатого. Настоящий торговый центр деревенского масштаба, в котором можно купить всё, начиная от топора, дождевика или обуви и заканчивая манной крупой и карамельками. У прилавка скопилась небольшая очередь человек из четырёх, которую задерживал пропитого вида мужичок, канючивший у продавщицы, дебилой тётки с монументальным лицом, бутылочку в долг. При нашем появлении все дружно обернулись в нашу сторону и стали беззастенчиво нас разглядывать. Даже как-то неуютно сделалось. Один мужичок, не проявив к нам никакого интереса, продолжал гнуть свою линию. Тётка на уговоры не велась и с видом памятника возвышалась над прилавком, снисходительно-брезгливо поглядывая на селянина. А вот и наш источник информации! Алкаши за бутылку всё выложат, только успевай спрашивать и вопросы правильно формули-

ровать, пока он не нажрался. Ну это мы умеем. Я расплатился за водку и поманил бутылкой мужичка за собой. Тот, не сводя глаз с выпивки, потянулся за нами:

- Где живёшь? – спросил его Серёга.
- Дак, вот тут. Третий дом от магазина.
- Веди. Знакомиться будем.

Алкаш привёл нас в грязную неряшливую развалюху. Слой грязи на полу говорил о том, что слово «уборка» было хозяину незнакома. Закопченная печь, слепые от пыли и грязи окна, на которых висели засаленные занавески, кем-то повешенные, наверное, лет десять назад в надежде создать хоть какой-то уют. Бутылки на полу, подоконнике. На заваленными разными объедками столе огромный кот доедал что-то из консервной банки. Мы, конечно, люди не брезгливые, но от всей этой мерзости передёрнуло и нас. Мужик тут же подвинул к нам грязные, захватанные гранённые стаканы и с надеждой посмотрел на нас.

– Не спеши, – взял инициативу в свои руки Серёга. – Сначала пообщаемся. Бутылка твоя, но её ещё надо заработать.

– Что делать надо? – тут же откликнулся алкоголик, сглотнув слюну. От вида такой близкой и в перспективе доступной бутылки у него началось бурное слюноотделение. Только что не капало с губ.

- Как зовут?
- Меня? Васяткой кличут.

– Скажи-ка мне, Васятка, А что это у вас за объект где-то с месяц назад бомбили?

– Бомбили? – казалось, что сейчас раздастся скрип заржавевших шестерёнок в голове у мужичка. – Да было что-то. А когда, не упомяну. Грохнуло сильно несколько раз. Аккурат в той стороне.

– А что там?

– Дак, воинская часть какая-то. Ракетчики! Во! – он аж засиял от только что сделанного открытия. – Точно! Ракетчики!

Ну, тогда понятно. Только непонятно, какой дрянью этих ракетчиков долбанули. Биологией точно нет смысла. А вот химией, чтобы потом к рукам прибрать без проблем то что в части хранится, могли. Ну, если химия, то не так страшно. Боевые отравляющие вещества имеют небольшой срок жизни и скорее всего, там уже давно безопасно. Вот только как узнать, химия это или вирус какой?

- А скажи, Васятка, ходил кто-нибудь туда после взрывов? – осенило вдруг меня.
- Как не ходить? Ходили мужики. У вояк завсегда есть чем разжиться. Вот и пошли.
- И что?

– Двое назад вернулись. Хворые. Остальные там и полегли. Проклятое место оказалось.

– А эти хворые, они где? С ними можно поговорить?

– Дак в земле уж давно. Долго не протянули. На второй день и преставились.

– А кто-то из родных у них был? Лечить пытались?

– Были, конечно. Вон у Семёна жена от него не отходила, пока не помер. Сильно убивалась. Да и Егора тоже пытались отходить. Младшая дочь даже за бабкой на хутор бегала. Бабка пришла, в бане его отпаривала с разными травками. Думали, на поправку пойдёт. Да где там?

– И как эти родные себя сейчас чувствуют?

– Да что им сделается? Погоревали и дальше живут.

Ну, значит, точно не биология или радиация. Мужики полезли туда, хватанули отравляющего вещества. Кто побольше хватанул, там и остался. Кто поменьше, до дому дошёл. Вот и всё. Если бы вирус какой подцепили, тут бы уже вся деревня вымерла. Да и радиацией тоже бы поделиться с домашними успели бы. Нет. Точно химия. Я отошёл в сторону, предоставив Серёге дальше что-то выпытывать у Васятки. Может, стоит рискнуть и заехать в эту воинскую часть? Вряд ли отравляющие вещества настолько стойкие, что держатся почти месяц. Даже в

самых заглубленных и затененных местах они уже давно должны разложиться на составляющие и улетучиться. А там, глядишь, и приборами какими разживёмся. У вояк должны быть. Правда, как пользоваться, мы имеем отдалённое представление, но, во-первых, все приборы у нас создаются в расчёте на тупого солдата первого года службы с образованием девять классов и два коридора, а во-вторых, мануал какой-то должен быть. Разберёмся. Ещё бы неплохо в штабе покопаться, карты поискать. В секретке должны быть достаточно подробные с нанесёнными местами расположения особо важных объектов. По любому, по плану прикрытия они должны были выделять подразделения для защиты этих объектов. Васятка что-то увлечённо чертил на листке бумаги, высунув язык и бросая вожделённые взгляды на бутылку в руках у Серёги. Наконец, Сергей хлопнул Васятку по плечу, вручил ему водку и, забрав листок, подошёл ко мне:

– Вот тут схемку наш Васенька накидал. – Конечно, в достаточно отдалённом приближении, – сказал Серёга. – Вон там райцентр, вот дорога к ракетчикам. Вот подъездные пути, периметр охраны, видишь? А вот в этой стороне какие-то склады армейские. Вроде как там, как раз не бомбили. Но в той части местные, если наш «язык» не брешет, парашюты видели. Как бы не десант. Мы-то только и знаем, что война началась. А как она идёт и идёт ли? Может уже давно супостата разбили. Или он уже нас завоевал. Неразбериха ещё та. Так что версию десанта на склады я бы не отметал.

– Это ты прав. Но, для начала нужно в воинскую часть смотаться. Посмотреть, разнюхать, что почём. Может, бронькой какой разживёмся. Да и с вооружением может что посерьёзнее надыбаем. Приборы в конце концов.

– Нафига они нам, если мы в них ни сном, ни рылом?

– Жить захотим, научимся. Мануалы почитаем. В секретке хочу покопаться. Там данные по всему району есть. А после, можно в райцентр нарисоваться. Если всё нормально, пару дней отдохнуть. Не помешает нормальный цивилизованный отдых.

– Это да. По цивилизации соскучился.

– Вот и я говорю. Ладно. Мужики! Готовность пятнадцать минут. Выежаем. Серёга, в головной машине со схемой. И всем быть в готовности немедленно открыть огонь. Есть возможность нарваться на негодяев с оружием. Всем ясно? Тогда вперёд.

Зная, куда ехать, до воинской части доехали минут за двадцать. Даже со стороны было видно, что удар наносился по жилой территории. Были сильно повреждены казармы, одна большая воронка зияла почти посередине строевого плаца. Парк и складские помещения почти не пострадали. Пара воронок в пределах периметра разрушений в этом районе практически не нанесли. Чего нельзя сказать о личном составе. Даже издали видно на территории множество трупов в неестественных позах разбросанных тут и там. Решили с кондачка не соваться и отправили Вадика с Серёгой в разведку. Из головы всё не лезли рассказы Васятки о парашютах над лесом. А цель неплохая, хотя и не приоритетная. Зенитно-ракетный комплекс С-200 новизной не блещут, хотя всяким вражеским пернатым пёрышки пощипать могут. Вот и убрали их на всякий случай. А вот дошли ли руки прибрать поближе – посмотрим.

Разведчики вернулись спустя два часа, когда мы уже начали волноваться:

– Ну как там? Что видели? – обрушились мы на них.

– Реально химией долбанули, – плюнул себе под ноги Сергей. – Всех пацанов перетравили, суки. И били как раз туда, где людей побольше. Накрывало сразу. Видели в столовой на раздатке повар с черпаком в руках так и загнулся. Видимо удар утром нанесли. На столах завтрак сервировали. Масло так и стоит на столах. Уже раскисшее и зелёное. Следов посторонних мы не заметили. Ну, разве, кроме тех, деревенских. Так они с ходу в облако сунулись, видать. Как шли, так и легли.

– Ну, значит нам туда. Как с воню?

– А вонь страшная. Проблевались знатно. Всюду трупы. Представляю, как в первые дни воняло!

Мы замотали головы тряпками. Вадик пожертвовал трофейную туалетную воду «Босс», найденную им на хуторе, и мы поехали в часть. Ворота были заблаговременно открыты Вадиком и Серёгой, поэтому не задерживаясь, мы заехали на плац и, объехав воронку, притормозили возле здания, больше всего напоминающего штаб. Да, амбре был ещё тот. Запах пробивался сквозь аромат импортного парфюма, которым буквально были облиты тряпки, закрывающие наши лица, и, казалось, въедался намертво в одежду и кожу. В казармах ловить было нечего. Разве только патронов в оружeyках поискать. Патроны дело такое: лишними не бывают. Тем более, чувствую, дело идёт к тому, что они станут самой твёрдой валютой. Серёга с Вадиком, придерживаясь того же мнения, скрылись в наиболее неповреждённой части казарм. Михалыч с Димкой и Игорем отправились в парк, а я с Гошей – в штаб. Кабинеты начальника штаба, командира, замполтыла и так далее меня интересовали мало. И вот я стою у своей цели: железная дверь с надписью «Секретная часть». Вот только как же мне её открыть-то? Пока я раздумывал над этим вопросом, Гоша со всей непосредственностью молодого поколения просто потянул на себя ручку и пудовая бронированная железная дверь спокойно открылась. В голове мелькнула мысль, высказанная в своё время моим начальником штаба: «Везёт дуракам и пьяницам». Интересно, к какой категории отношусь я? Ну это так, отступления, и не всегда лирические. Короче, дорвался я до бесплатного, как говорится. Гоша откровенно скучал, наблюдая, как я погрузился в ворох различных папок и подшивок. Наверное, его больше успокаивало то, что здесь воняло не так сильно. Я перелопатил кучу документации, пока не нашёл план боевого применения, в котором и была карта с нанесёнными объектами, которые должны прикрывать дивизионы этой части. По сути у меня на руках была схема нанесения ударов по точкам, которые мы должны объезжать дальним радиусом, чтобы не угодить в какую-то дрянь. Да этой находке цены нет! За окном раздался рёв дизеля и в окно я увидел, как перед штабом лихо развернулся БТР-80. Из недр бронированного монстра выпрыгнул светящийся счастьем Игорь. Я вышел на крыльцо штаба, скептически оглядывая новое приобретение.

– Что не так? – заволновался Игорь, видя мой взгляд.

– Хороша зверушка, да больно прожорлива. Не прокормим мы её.

– Да что там? Соляры, что ли не найдём? Защита от пуль, от радиации, от химического и бактериологического оружия, – обиделся Игорь. – А пулемёт? 14,5 миллиметров КПВТ. Дом по кирпичам разберёт.

– Ну и где ты соляру собрался брать?

– Да на любой заправке.

– А чем расплачиваться собираешься? Эти заправки чьи-то. Бесхозных нет.

– Ну, не знаю. Можно ведь бартер какой-нибудь.

Меня самого привлекла идея продолжить путь в такой идеальной боевой машине, как БТР-80. Вот только как быть с заправкой? Постой. А что я там думал о твёрдой валюте? Здесь же патронов немеряно! Да и автоматами можно торговлю наладить на крайний случай. И ещё, здесь должны быть продуктовые склады. Много всякого не надо, но тушёнки, особенно с длительного хранения, нужно набрать под завязку. И себе пригодится, и как бартер вещь уникальная:

– Уговорил, – сказал я повеселевшему Игорю. – Патроны прямо в ящиках вытаскиваем и крепим на броне. Чем больше, тем лучше. И ищем продуктовый склад.

– Так нашли уже.

– А что молчишь? Тушняк есть?

– Есть. И какие-то банки без этикеток и в солидоле.

– Блин! Тащи одну банку сюда!

Я вскрыл десантным ножом банку, прямо с ножа откусил один кусок нежнейшей говядины и зажмурился от удовольствия. Вот это настоящая тушёнка! Умели делать в своё время! Остаток протянул Игорю.

– Пробуй.

– Обалдеть! Вот это я понимаю! – восторгу не было предела.

– Эх, молодёжь? Привыкли на своей химии жить. Это тушёнка длительного хранения. Поэтому и в солидоле. А в своё время её делали строго по ГОСТу. Вправо, влево – расстрел. Поэтому никаких обрезей, рогов и копыт. Только отборное мясо и строго установленное количество жира. Понял?

– Понял.

– Забивай БТР этим добром по уши. Поедем на трех машинах. УАЗы и БТР.

– Чё-то мы, Витёк, в транспортный обоз превращаемся, – с обидой высказал мне Игорь.

– А ты что хотел? В бандитов превращаться и отнимать? Так мы долго не протянем. Завалят нас. Да и противно. А это валюта, Игорёк! И такая твёрдая, что доллару не снилась.

Нашли и приборы. Правда древние, как мамонты. ВПХР ДП-5В взяли с собой, и я усадил Гошу и Михалыча изучать мануалы. Затем нашли тепловизор. Я такой и не видел ни разу. Поставив на зарядку аккумулятор и углубился в его изучение. В принципе, ничего сложного. Разобрался быстро. Отыскались и рации, да ещё и с гарнитурой, что нас очень порадовало. Набрав к ним побольше аккумуляторов, разобрали каждому по одному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.